Каменев, Л. Д.
Доклад правительства II съезду советов СССР.
М., 1924

ИМЛ — Библиотека
ЕН141
Д 683

Л. Каменев

ДОКЛАД ПРАВИТЕЛЬСТВА

ВТОРОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТОВ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1924

86
32

Л. КАМЕНЕВ

ЕН 141
Д 683

ДОКЛАД ПРАВИТЕЛЬСТВА

ВТОРОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТОВ
СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1924

1 ЭКЗ

ЕН141
Д683

~~6902 с.1~~

~~с 11217~~

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

(86 1058132
32)

ГК257
С744

Главлит № 17770 Тираж 100,000 экз.

Типография „Красный Пролетарий", Изд-ва „Красная Новь", Пименовская ул., д. 1/16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Эта брошюра воспроизводит доклад о деятельности правительства, сделанный мною 30-го января на II Съезде Советов Союза Советских Социалистических Республик. Я добавил несколько цифр и две таблицы, опущенные мною в докладе ради его сокращения.

Здесь перепечатывается также и „заключительное слово", которым я воспользовался для того, чтобы пополнить и подробней развить некоторые положения основного доклада.

Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить заведующего ЦСУ тов. И. И. Попова за произведенную им предварительную сводку цифрового материала, а также товарищей, положивших много труда на составление приложенных к докладу диаграмм.

Л. Каменев.

1 февраля 1924 г.

Доклад правительства Второму Съезду Советов СССР.

Товарищи, рабоче-крестьянское правительство с особым чувством ответственности выступает сегодня перед вами с докладом о своей деятельности и с перспективами дальнейшего решения стоящих на очереди задач.

Тот, кто учил нас государственному строительству, не может встать, чтобы проверить нашу работу, чтобы указать на наши ошибки. Коллективный разум ваш, строителей нового социалистического общества, нового пролетарского государства, должен заменить этот великий мозг. Вот почему, представляя вам свой отчет и свои предположения, мы рассчитываем на самую строгую критику, на проверку всего того, что сделано, на точные директивы коллективного разума пролетариев и крестьян для того, чтобы не сбиваться в дальнейшем пути.

Центр моего доклада будет посвящен нашим внутренним делам. Но раньше, чем перейти к ним, я должен буду остановить ваше внимание на той международной обстановке, в которой приходится нам работать, на тех условиях, в которых протекает наша работа.

Крушение Версальского мира.

Характернейшей чертой международной обстановки настоящего момента надо признать совершенно ясно выявившееся крушение всех основных сил, которые создавали Версальский мир, и которые пытались нормы Версальского мира навязать всему человечеству, как гарантию мира,

свободы и материального благосостояния. Нет, вероятно, сейчас в мире ни одного человека, вряд ли найдется хотя бы один из создателей этого империалистского мира, который осмелился бы утверждать, что мир, заключенный в Версале, был действительно миром, создавшим маломальски прочные основы для развития европейского и азиатского человечества.

Нескольких лет было достаточно для того, чтобы целиком оправдались наши предсказания. Мы говорили, что Версальский мир есть продолжение войны, и что на этой основе ни свобода, ни мир, ни развитие экономического благосостояния, ни развитие мирового хозяйства не могут существовать.

В чем действительно заключалась основная идея империалистского мира? В том, что, на почве этого договора, создавалась круговая порука победителей для эксплоатации побежденных. С двух точек зрения эта концепция потерпела полное крушение. Оказалось, что можно разбить хозяйство побежденных стран, что можно превратить великое хозяйство всего немецкого народа в черепки, можно противодействовать дальнейшему развитию в хозяйственном отношении Средней и Восточной Европы, но что на развалинах этих прежде хозяйственно мощных, технически развитых стран нельзя создать мирового хозяйства.

Германия лежит, действительно, в черепках, но, вместе с тем, она тянет за собой к разрушению всю капиталистическую цивилизацию Европы. С другой стороны, та круговая порука, которая была создана для продолжения иными средствами той же политики—эксплоатации побежденных и слабых, эта круговая порука не выдержала испытания времени. Всего несколько лет протекло с тех пор, как мы слышали слова о нераздельной дружбе, о неразделимом единстве победителей. Что же мы видим сейчас?

В Англии—крушение того национального консервативно-либерального блока, который был одной из основных сил Версальского мира. Во Франции,—несомненно, сумерки той империалистской и милитаристской политики, которая пришла на другой день после победы. Полное разделение интересов между Англией и Францией и ожесточенная, чуть-чуть прикрытая борьба между ними. Нет ныне, вероятно, ни одного вопроса, по которому Франция и Англия не испытывали бы

взаимной ненависти, в котором они руководствовались бы мало-мальски согласованными интересами.

И, наконец, Италия. Она явно вышла из этой круговой поруки, явно не может итти по одной дороге с Францией, так как имеет интересы и в Средиземном море, и в Африке, отличные от интересов французского капитала. Она пытается построить свою собственную самостоятельную национальную политику. При наличии разделения и борьбы между господствовавшими государствами, система мелких государств, созданных этими же самыми крупными государствами, явно испытывает сильнейшее потрясение. Эти мелкие государства мечутся, ищут выхода, конвульсивно ищут такого хозяина, на которого они могли бы сделать твердую ставку. Мы видим полный хаос политических отношений, полное разложение мирового хозяйства, острое столкновение борющихся сил. И нет в мире человека, который сказал бы, что на этих путях капиталистической конкуренции и империалистского развития можно предотвратить новые столкновения, новые империалистические войны.

Политика СССР — политика мира.

Эта картина, которую капиталистическое господство в Европе представляет к данному моменту, служит тем фоном, на котором все более и более растет могущество того единственного государства, которое революционной энергией рабочих и крестьян вырвалось из тисков империалистической войны и не хотело быть ни с победителями для того, чтобы делить плоды их побед, ни с побежденными, которые одинаково были виноваты в возникновении великой империалистической бойни. Наша политика мира и выжидания, наша политика, которая проводилась при твердой уверенности в том, что мировое хозяйство не может быть восстановлено без нашего сотрудничества, что мировая экономика не может развиваться без участия 130 миллионного народа, объединенного ныне под красным флагом Союза Советских Республик,—эта политика терпения, выдержки и силы дала результаты. Мы видим, какой интерес к нашему Союзу, интерес к соглашению с ним, интерес к политическому сотрудничеству неизменно выявляется во всех странах.

СССР и Англия.

Прежде всего, представляет громадный и ближайший интерес в данной стадии мировой истории отношение Англии. Английское население скинуло консервативно-либеральный блок, который предпринимал войны для капиталистов Англии и пытался в продолжение нескольких лет. под руководством Ллойд-Джорджа, закрепить свои победы. Ныне этот консервативный блок терпит поражение, и мы видим, что к власти приходит так - называемая рабочая партия.

Мы, товарищи, реалисты. Мы достаточно хорошо знакомы с политикой вождей рабочей партии Англии, чтобы не поддаваться никаким иллюзиям. Однако, мы не должны забывать ни на один момент, что в настоящее время к власти подходят миллионы английских рабочих, миллионы организованных английских рабочих, вышколенных в длительной борьбе с капитализмом,—рабочих, для которых приход к власти Макдональда, Уэбба, Сноудена, Томаса Шоу будет означать впервые поставленный вопрос о власти во всем ее масштабе. Впервые рабочий класс Англии сможет проверить своих вождей не только, когда они в оппозиции, а и тогда, когда они обладают реальной властью.

Мы с вами можем быть уверены, и этого впрочем не скрывают официальные заявления вождей рабочей партии, что они идут к власти совсем не для того, чтобы в сколько-нибудь значительных размерах обеспечить или удовлетворить законные классовые требования пролетариата.

Но для английского пролетариата не пройдет, конечно, даром этот урок; не пройдет, конечно, даром возможность посмотреть на своих вождей у кормила государственноог правления. Если минимум требований рабочих, которые будут предъявлены к этим вождям, не будет удовлетворен, эти вожди должны будут дать ответ массам.

Мы совершенно уверены, что какой бы ответ ни был дан этими вождями, рост классовой солидарности, сознание политической силы, убеждение в необходимости взять политическую власть в свои руки в результате этого роста классового сознания у английского рабочего класса, несомненно, бу-

дут. А английская империя, которая отныне будет управляться, неизвестно сколько дней, или сколько недель, или, может-быть, сколько месяцев, вождями так-называемой рабочей партии,—эта империя представляет собой одну из основных сил буржуазно-капиталистической цивилизации. Нам будет очень полезно вместе с английским пролетариатом спокойно наблюдать за новым так-называемым рабочим правительством и видеть, как рост рабочих требований к этому рабочему правительству будет помогать выяснять все отчетливее то, что требуется рабочему классу.

Что касается наших отношений с Англией, то вы знаете, что доверие, завоеванное нынешним премьер-министром Англии среди ее населения, отчасти объясняется тем, что он в своей избирательной кампании боевым, наиболее ярким лозунгом выставлял безоговорочное признание СССР де-юре.

Мы не сомневаемся ни на минуту, как в этом не сомневается и премьер-министр Макдональд, что, голосуя за рабочее правительство и предлагая создать такое министерство, представители рабочих масс Англии голосовали за полное и безоговорочное признание СССР. (Аплодисменты).

Так как, однако, Макдональд держит власть в своих руках не только милостью рабочего класса, но и милостью либералов, то мы уже сталкиваемся с попытками несколько затормозить исполнение того обязательства, которое в избирательной кампании вожди рабочей партии приняли пред рабочим классом Англии по поводу безоговорочного признания. Нам тоже будет любопытно посмотреть, действительно ли обязательства, даваемые в избирательной кампании перед рабочим классом, потом могут быть взяты обратно под давлением парламентской комбинации с либералами. Во всяком случае, мы хотим надеяться, что эти обязательства будут исполнены, и что Макдональд, который в данном случае только выполнит волю рабочего класса, сделает тот акт, на который рабочий класс его уполномочил, т.-е. признает безоговорочно и полностью советское правительство.

Мы понимаем, что и после этого признания останутся спорные вопросы, которые потребуют совещаний, разъяснений, выяснений, быть-может, споров, но которые на наш

взгляд, несомненно, заключают в себе все элементы, дающие возможность общего соглашения. Поэтому, мы уже заявили Англии, что готовы после признания приступить к созданию англо-русской комиссии, которая рассмотрела бы всевозможные экономические спорные вопросы между нами. Во всяком случае, мы хотели бы надеяться, что с правительством Макдональда (больше, во всяком случае, чем с правительством Керзона, и больше, чем с правительством Ллойд-Джорджа) мы могли бы договориться о мерах, направленных к охране всеобщего мира, к полюбовному разрешению тех антагонизмов, которые ныне раздирают весь мир, что мы могли бы приступить дружелюбно к переговорам, направленным к тому, чтобы ослабить бремя военных расходов, тяготеющее над всей Европой, в том числе и над рабочим классом Англии. От нынешнего правительства Англии будет зависеть, действительно ли мы сможем сказать, что майский ультиматум Керзона был последней конвульсивной попыткой консервативных кругов Англии ввергнуть нас и Англию в новый период обострения, или же новое правительство расчистит дорогу к тому, чтобы Союз Советских Социалистических Республик и Англия могли действительно дружелюбно, на почве полного взаимного признания государственных систем обеих стран, создать такие устои, которые служили бы опорой против возможности новой бойни и новых потрясений и так уже истощенного мирового хозяйства.

СССР и Италия.

Что касается Италии, то здесь, товарищи, мы имеем редкий случай простого и откровенного разговора. Я не буду напоминать известную всем речь господина Муссолини в парламенте, в которой он, повторяю, с похвальной откровенностью, указал на те условия и на те мотивы, которые двигают его к признанию и соглашению с Советской Россией. Переговоры, которые на этой почве стали возможными шли без особых задержек: теперь эти переговоры подвигаются настолько успешно, что есть основания надеяться, что договор о полном признании будет итальянским правительством подписан на-днях. (Аплодисменты).

СССР и Франция.

Третья великая держава, с которой нам приходилось до сих пор встречаться на поле брани,—это Франция. Мы—реалисты и потому не всегда обязаны принимать к сведению только одни дипломатические документы. Мы можем позволить себе роскошь анализировать действительные мотивы. И я думаю, что мы будем недалеки от истины, если скажем, что настоящие мотивы, которые заставляют французское правительство явно начать пересмотр своих отношений и своей политики к Союзу ССР, заключаются в том, что французская буржуазия, считаясь с фактом растущей мощи Советского Союза, не хочет притти последней и не хочет, чтобы признание, а, следовательно, и торговля с Союзом ССР для Франции открылась и после Италии, и после Англии. Этим можно объяснить тот поворот, который мы замечаем во французском правительстве.

Мы готовы приветствовать те шаги, которые мы видим со стороны французского правительства. Мы знаем по газетам о том, что министр иностранных дел Чехо-Словакии—государства, дружественного с Францией и недавно только подписавшего с Францией специальное соглашение,—что господин Бенеш счел возможным выступить с заявлениями, которые должны были бы проложить или облегчить первые шаги для переговоров между Францией и Россией. Мы считаем, что г-н Бенеш, конечно, по-своему правильно служил тому делу, которе он считает полезным для своей страны. Но, с другой стороны, мы считали бы гораздо более рациональным и плодотворным, если бы неизбежные переговоры могли вестись непосредственно. Мы полагаем, что посредники в этих переговорах излишни, и что с нашей стороны не встретилось бы никаких препятствий к тому, чтобы деловым образом подойти к тем вопросам торговли и обмена экономическими услугами, которые явно назрели, и неразрешенность которых представляет взаимный ущерб.

Вы знаете, что в последнее время мы должны были перенести часть своего торгового аппарата из Франции в Англию. Я боюсь, что мы должны будем продолжать подобные действия по мере того, как будет все яснее и яснее стано-

виться, что отсутствие какого-либо договора о торговле создает для нас и для наших торговых органов совершенно невозможное положение. Мы, конечно, будем отдавать предпочтение и ставить свои торговые станции в тех государствах, с которыми у нас налаживаются нормальные отношения, и не пожелаем рисковать такими инцидентами, как, напр., дело Опторга и Бунатиана. По этому делу французская фирма Опторг, действующая в Париже и закупившая у нас товар, должна была заплатить за этот товар не нам, а некоему господину Бунатиану по приговору французского суда, который признал, что товары проданные нами, были нами национализированы у этого господина.

Надо, чтобы французская буржуазия раз навсегда поняла: то, что национализировано,—национализировано. (Аплодисменты).

Не для того приходили на нашу территорию французские войска, ведя за собой в помощь цветные войска, чтобы потом пытаться достигнуть тех же целей путем приговора гражданского трибунала Сенского департамента. Не для того бесчисленное количество наших красноармейцев проливали свою кровь, чтобы потом этому гражданскому суду Сенского департамента было позволено переделать то, что этой кровью завоевано. Мы понимаем, что взаимные интересы и Франции, и наши требуют делового общения, что отсутствие этого общения наносит взаимный ущерб. Мы поэтому готовы в любой момент приступить к переговорам, но с теми кругами французского правительства, которые готовы будут признать некоторые азбучные истины, хотя бы те, которые признала Англия, которые теперь признает Италия.

СССР и Германия.

Перехожу к Германии. С Германией, товарищи, нас связывает ближе, чем с каким-нибудь другим государством, географическое положение и общность экономических интересов, связывает нас также и то, что, раздавленная торжествующим империализмом, Германия нашла в себе в известный момент достаточно мужества и прозорливости, чтобы подписать Раппальский договор. Поэтому укрепление дружественных отношений с Германией, увеличение эконо-

мических связей, взаимная поддержка в развитии этих экономических связей нами преследовались в прошлом и остаются также для будущего одной из основ нашей политики.

В течение отчетного периода обнаружилось, однако, не только это. Советское правительство не могло пройти мимо того октябрьско-ноябрьского кризиса, который потряс всю Германию. Не только потому, что пролетарское сознание не может относиться к тому, что где бы то ни было на земном шаре пролетариат напрягается для того, чтобы завоевать для себя лучшие условия существования; не только потому, что наши советы служат рупором настроений, интересов, энтузиазма широких пролетарских масс и не могут отказаться от своего долга и своих обязанностей этим рупором служить, но и по другим, деловым, государственным соображениям. Министр иностранных дел Штреземан заявил, что в дни этого октябрьско-ноябрьского кризиса судьба Советской России была связана с судьбами Германии. И это как-раз такой пункт, в котором мы были абсолютно согласны с министром иностр. дел Германии Штреземаном. Для нас, как и для Штреземана, было совершенно ясно, что победа фашизма, победа милитаристическо-реакционных кругов в Германии означала бы открытие дверей для мирового империализма и в Советскую Республику. Продвижение французских войск из Рейнской области, где они стоят твердой ногой, на плечах торжествующей германской контр-революции, дальше в глубь страны, обозначало бы потрясение тех основ устойчивости и равновесия в мировом положении, на которых стоит Советская Республика. Было бы слишком странно требовать чтобы в этот момент нами не были приняты все предупредительные меры, которые диктовались тем обстоятельством что мы находились накануне такого момента, когда вся система Средней Европы могла быть потрясена.

Чувство государственной безопасности и чувство охраны завоеваний Октябрьской революции требовали от нас принятия этих предупредительных мер, и эти предупредительные меры были приняты. Лучшим выражением нашей политики в эти месяцы служит поездка тов. Коппа в Латвию, Литву и Польшу. С чем ехал тогда тов. Копп? Чего добивались мы? Двух вещей. Мы пытались добиться, мы требовали от наших соседей гарантии их невмешательства в германские

дела; с другой стороны, мы пытались добиться, мы требовали таких соглашений, которые обеспечивали бы нам свободный транзит между Союзом ССР и Центральной Европой, независимо от тех политических изменений и изменений социального порядка, которые могут там наступить. Оба эти требования свидетельствуют о неизменном нашем миролюбии; и вместе с тем, эти же требования, выставленные нами через тов. Коппа к нашим соседям, свидетельствуют о том, что мы желали упрочить мирное состояние Восточной Европы и ее беспрепятственный контакт с Центральной Европой.

Таким образом, товарищи, все, что мы имеем, как новые факты из области определяющих факторов мировой политики, указывает на то, что Союз ССР давно перешел уже в Европе тот Рубикон, когда он должен был добиваться признания или покупать признание. Дело обстоит иначе. И горе тем правительствам, которые не видят глубоких изменений, которые произошли в положении советского правительства.

СССР и народы Востока.

Прежде, однако, чем подвести итог и сделать некоторые указания насчет возможного будущего в области европейской политики, я должен остановиться на нашем отношении к народам Востока. Вы знаете, что политика наша здесь может быть исчерпана немногими словами. Неизменная дружба с угнетенными народами Востока была первым лозунгом советского правительства. И этот лозунг неизменен. Дружба с народами Востока, стремящимися к независимому национальному развитию, не есть результат той или другой ситуации, той или другой политики дня. Это—одна из основ, определяющих общую политику Советской власти, ее неизменный признак. Братское сочувствие народам Востока, братское содействие им в деле того могучего движения, которое должно привести к самостоятельности и освобождению этих народов, есть, повторяю, неизменная основа политики Советской власти. (Аплодисменты).

И мы должны сказать, что этой дружбой, что этим братским сочувствием, в отличие от всех других правительств, мы не торгуем. Этого мы не продаем, насчет этого сделок

мы не заключаем. Мы не делаем этого по очень простой причине.

В связи с великим горем, которое постигло нас и весь трудящийся люд, мы получили сотни и тысячи всякого рода заявлений и приветствий, но среди них выдаются приветствия, которые идут именно с Востока. В меджилисе, в парламенте турецкого народа, в парламенте, который куплен был ценою ожесточенной борьбы, сказаны были следующие слова:

„Смерть Ленина опечалила нас всех. Этот великий человек оказывал нам помощь в самые черные дни, всегда желал нам успеха в нашей борьбе за независимость. Ленин пользовался всяким случаем для того, чтобы приветствовать чаше Национальное Собрание".

Следующий оратор добавил: „Когда наш народ переживал самые тяжелые времена, Ленин протянул нам руку. Он всегда ободрял нас".

Товарищи, это заявление, раздавшееся и громко прозвучавшее на Востоке, куплено прямой и открытой политикой поддержки и дружбы с народами Востока. И это признание, раздавшееся из уст представителей этого народа, является лучшим свидетельством правильности и прозорливости нашей политики.

То, что здесь сказано, что Ленин в черные дни освобождения народов Востока протягивал им братскую руку, это вошло в историю, это будет служить и заветом для дальнейшей политики Союза ССР. (Аплодисменты).

Но дальше этого, дальше Турции, из далекого Китая, за подписью вождя демократических сил Китая, мы получили телеграмму следующего содержания, которая тоже характеризует уже некую историческую дату, вносит в историю мира некоторые факты, которые являются вместе с тем, заветами для нашей дальнейшей политики:

„Собравшийся национальный конгресс гоминдана (китайской демократической партии) с глубокой скорбью узнал о смерти товарища Ленина, работа которого положила главное основание новой России и в настоящий момент воодушевляет присутствующих на конгрессе в их главной задаче придать своей партии значение национального орудия к объединению Китая, а также к прогрессу и благосостоянию китайского народа под сенью демократической власти".

Мы гордимся тем, что наш вождь вдохновляет в далеком Китае силы освобождающейся демократической нации на новую освободительную работу. Этот завет останется нашим заветом, и от этого завета, мы, конечно, никогда не отступим (Аплодисменты). Пусть знают народы Востока, что то, что они ныне видят, как результат работы Ленина, что они выразили словами „в черные дни борьбы за национальное освобождение нигде в другом месте, а только в Советской республике они находили опору и дружескую, братскую руку",—эти факты остаются для нас столь же священными, как и для них.

Товарищи, конечно, и в наших отношениях с Турцией и в наших отношениях с другими восточными государствами бывают моменты недоразумений, столкновений, трений, но мы всегда проявляли здесь и готовы проявить здесь полную добрую волю для улажения всех этих недоразумений. Так, например, недоразумения относительно торгового договора, положения внешторга, консульских конвенций и т. д., которые одно время вспыхнули между нами и национальным правительством Турции, в данный момент окончательно улажены, и улажены к полному удовлетворению обеих сторон.

На переломе.

Итак, товарищи, дружба со всеми народами, братское сочувствие угнетенным народам, деловые и мирные отношения со всеми правительствами,—вот содержание нашей политики.

Мы видим в общей обстановке начало конца первого периода,—периода, когда Советская власть должна была бороться за признание. Мы явно находимся на пороге к новому периоду,—к периоду, который будет представлять некоторые определенные опасности,—опасности капиталистического нажима, который мы должны побороть, с которым нам придется бороться экономическими методами. Явно мы находимся на переломе нашего мирового положения. Могущество Союза ССР, его непрестанный экономический рост на фоне общего разложения и распада капиталистической цивилизации является таким фактом, который ничем не может быть уже прикрыт и никем оспорен.

Но, вступая в этот новый период, мы должны будем

повторить те слова, которые несколько лет тому назад были произнесены тов. Лениным, т. к. они остаются руководящими в нашей внешней политике. Ленин говорил,—мы здесь повторяем, и пусть эти слова будут слышны:

„Чем позже признание, тем хуже условия этого признания".

Мы не добиваемся, мы не торопимся. Мы прошли самые тяжелые годы,—мы перенесли интервенцию и блокаду. Мы стали фактором мирового экономического развития. Без нас дальнейшее развитие мирового хозяйства невозможно. И потому ошибаются те, которые думают, что признание де-юре есть нечто такое, за что мы готовы заплатить каким либо материальным ущербом для себя. Признание де-юре прежде всего для нас обозначает легализацию наших торговых отношений. Эта легализация торговых отношений нужна нам, но она нужна и тем, кто нуждается в нашем хлебе, кто нуждается в нашем лесе, кто нуждается в нашей нефти, кто нуждается в том, чтобы мы покупали у него машины и хлопок.

Де-юре не есть стремление получить какой-то международный чин. Признание де-юре не милость. Великие народы, создавшие под руководством гениального вождя Союз Советских Социалистических Республик, не нуждаются в юридическом миропомазании жрецов капитала. (Аплодисменты).

1058134

Легализация деловых, промышленных, торговых отношений включает в себе признание наших законов, нашего законодательства. Признание де-юре есть признание силы наших законов и нашего законодательства, обязательность наших законов для тех, кто хочет находиться с нами в деловых, торговых и хозяйственно-экономических отношениях. Вот что значит де-юре. И, конечно, это признание мы получим. Мы его получим, конечно, не потому, чтобы изменились чувства капиталистов к нашей Республике, а потому, что мы выдержали испытание огнем и голодом, что мы доказали свою силу, потому что прочие государства без сотрудничества 130 миллионов, объединенных Союзом Советских Социалистических Республик, не могут развиваться. Участие нашего нового государства в общемировой хозяйственной жизни возможно только на почве признания нашими противниками равенства двух систем: их хозяйственной системы, которую

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

мы осуждаем, как систему эксплоатации миллионов, и нашей хозяйственной системы, в которой мы видим прообраз будущего мирового устройства. Им некуда уйти, нашу хозяйственную систему они должны будут признать, а затем уже нашей задачей будет показать всему миру, что наша система, система социалистического хозяйства и братского сожительства народов сильней и могущественней их системы, системы эксплоатации и войн.

Грозовые тучи.

Товарищи, из этого обзора вы не видели каких-либо грозовых туч, которые непосредственно угрожали бы нашей независимости или нашей территории. Но не будем обольщаться. Вспомните минувший год, вспомните последние 9 месяцев. И вы увидите, как в течение этого времени дважды неминуемая беда стучала к нам в двери. В мае к нам постучал самый типичный представитель мирового империализма и консерватизма—Керзон; постучал к нам ультиматумом и поставил всех нас на ноги. В октябре, в ноябре к нам в двери постучали новые события, и мы тоже должны были вскочить на ноги.

Не думайте, что те факты, которые я вам сообщил, которые показывают на несомненное укрепление нашего международного положения, на рост нашего значения, на рост стремления к торговым и политическим соглашениям с нашей пролетарской трудовой Республикой,—не думайте, что это гарантирует нас от новых потрясений. Мир в хаосе. Противоборствующие тенденции кипят в нем, как в котле. Мы для всех других правительств все-таки безумные смельчаки, которые осмеливаются итти против их принципов, против их цивилизации, против основ их хозяйственного строя, и мы должны быть готовы к тому, что в каждый момент новое испытание может постучаться к нам в ворота. Мы должны быть готовы к тому, что мы будем получать не только договоры о признании, но что мы можем в любой день стать перед таким поворотом событий, которые опять, как в мае прошлого года, как в октябре прошлого года, потребуют от нас напряжения всех наших сил и произведут экзамен нашей обороне и боеспособности. Мы помним звер-

ское и покрытое судом Швейцарской республики убийство одного из наших лучших товарищей, В. В. Воровского. Мы помним ультиматум Керзона.

На-страже Советской земли.

Товарищи, для нас священна та земля, на которой впервые пролетариат и крестьянство победили. Мы никогда не останавливались и не задумывались ни на минуту кинуть все силы объединенных народов на защиту территории, достоинства, независимости и самостоятельности нашего Союза. Независимость, честь нашей страны, достоинство ее стали для нас еще священнее с того момента, когда земля эта приняла в свои недра то, что было смертного в нашем вожде. И на защиту независимости этой земли, этой территории, этого государства вся страна, рабочие и крестьяне всех национальностей Союза станут, как один человек, если бы чья-либо безумная рука попыталась нарушить наш покой и наше хозяйственное строительство. (Продолжительные аплодисменты).

Голос с места. Мы готовы защищаться и побеждать.

Каменев. Я перехожу теперь к тем областям нашей политики, которые стоят на границе между политикой внешней и внутренней. Вы знаете, что мы обращены к внешнему миру не только нашей дипломатией, но и нашим торговым аппаратом, монополией внешней торговли.

Монополия внешней торговли — броня нашего хозяйства.

Мне придется ниже еще указать на то, как монополия внешней торговли, провозглашенная нами, как один из устоев Советской власти, в самом начале ее организации,—как она стала теперь практическим орудием, в сохранении которого заинтересован каждый крестьянин, каждый рабочий, каждый гражданин Союза ССР. Сейчас мне хотелось бы указать только на то, что монополия внешней торговли, которую мы удержали в самые трудные моменты, была и остается незыблемой основой нашей политики. Мы знаем, что это—броня, которая предохраняет нашу страну, наш Союз от расхищений, от превращения его в объект колониальной

эксплоатации. Мы знаем, что это именно обстоятельство вызывает со стороны всех капиталистических сил Европы больше всего ненависти по отношению к монополии внешней торговли, больше всего стремления разорвать эту броню, продырявить ее. Но мы должны сказать прямо, что принципом монополии внешней торговли мы тоже не торгуем, что мы готовы лучше подождать с тем или другим договором, с тем или другим соглашением, чем пойти на изменение принципа монополии внешней торговли. Здесь наша позиция непримирима, и тем, которые хотят с нами иметь экономические отношения, придется с этим фактом считаться.

У нас есть терпение, мы знаем неизбежность включения нашего хозяйства в общемировую систему. Мы абсолютно уверены, что монополия внешней торговли необходима для охранения богатств и хозяйственного развития нашей страны, и что поэтому с данным фактом всякому государству, желающему иметь с нами дело, придется считаться, как с фактом незыблемым.

Конечно, мы не собираемся ни в чем изменять системы привлечения иностранных капиталов. Мы заявили давно устами тов. Ленина (и здесь, как и в других областях, мы не собираемся ни в чем менять его политики), что иностранный капитал нам нужен, что мы понимаем, что эти иностранные капиталы могут притти в Россию, в наше государство, лишь на условиях определенных прибылей, определенного заработка. Мы готовы попрежнему предоставить им и эту прибыль, и этот заработок с единственным, однако, условием,—с тем, чтобы тот капитал, который идет к нам, или собирается итти к нам, отдал бы себе точный отчет в том, что мы не колония и не годимся, как объект колониальной эксплоатации; что мы не данники, и что с нас никому не удастся взять дани. Работайте на тех условиях, на которые согласится пролетарское государство. Зарабатывайте то, что мы договоримся с вами предоставить вам в виде прибылей. Но не думайте, однако, что иностранное капиталистическое вмешательство вы можете превратить в орудие хозяйственного порабощения советской страны. Было опасное время, были тяжкие дни. Эти дни прошли, они уже больше не вернутся. (Аплодисменты).

Крепость нашего Союза.

Товарищи, обращаясь к нашим внутренним делам, я должен прежде всего в самых кратких чертах отметить, что в течение этого года Союз Советских Социалистических Республик, провозглашенный, в виде договора самостоятельных частей, на прошлом С'езде, работой целого ряда государственных учреждений, и союзных, и республиканских, превращен, наконец, в практическую организацию. Мы совершили этим великое дело. Мы сознательно построили новый тип государства. История представляет нам образчик, пример того, как хаотично, стихийно, в процессе долгих наслоений складывалось государство. Мы с вами в течение этого года проделали громадную работу на основе того боевого единства, которое сложилось в годы борьбы за существование; мы сознательно создали новую конституцию и положили ее в основу нового государственного строя. Мы перелили боевое единство в новые организационные формы. Эта была сложная работа, потому что мы преследовали задачи, которых не ставил перед собой никто из творцов государственных конституций. Мы создали государственную форму, которая должна представлять гарантию свободного развития культуры и государственности отдельных национальностей, входящих в наш Союз, и вместе с тем гарантировать единство этим нациям в деле общей борьбы против капитала и в деле строительства социализма.

Вот почему наша государственная форма, наша Конституция представляет довольно сложную постройку. Нам, несомненно, придется проверять эту постройку на фактах нашей жизни, нам придется, по всей вероятности, ее улучшать, но, во всяком случае, мы создали новое государство, мы создали новый тип его. Мы попытались и решили в своем государственном устройстве дать миру образец решения труднейшей задачи, над которой человечество билось и будет еще биться: соединить полную свободу развития национальной культуры, государственности и единства хозяйственных и боевых сил в деле постройки социализма,— задача, достойная того, чтобы она была на 6 й год проле-

тарской революции поставлена, как практическая задача, и нами решена.

В докладе о Конституции Союза ССР, который будет вам сделан, и который, как мы надеемся, вы примете, вы сможете подробно познакомиться со всеми деталями этой государственной постройки. Я хотел указать только на то, что это—новый мировой фактор, и что наша сила была настолько велика, что это новое государство и этот новый мировой фактор были признаны всеми нашими соседями без всякого сопротивления. Ясно было, что сопротивляться вхождению в мировую историю этого нового государства бессмысленно и нелепо.

Правда, у нас есть один сосед, который попытался,—да будет мне прощено это слово,—поартачиться перед тем, как признать СССР: это Польша. Но у нас, товарищи, с Польшей длинная история. Правда, последний этап ее начинается с Рижского мирного договора, который для нас, конечно, обязателен, как всякий договор, скрепленный Советской властью, который мы храним, который мы исполняем, ибо мы хотим,—и мы доказали это желание,—мирных и дружественных отношений на нашей западной границе. Однако, в определенный момент благоразумие взяло верх и в Польше. Миролюбивость ее политики несколько усилилась за последнее время и, попытавшись противостоять этому грандиозному мировому фактору рождения нового государства—СССР, Польша должна была его признать, склонилась перед этим фактом.

Существует ли у нас проблема власти?

Переходя к вопросу о нашей внутренней политике, я прежде всего должен спросить: существует ли у нас в Союзе Советских Социалистических Республик проблема власти? Я думаю, что точный ответ на это следующий: проблемы власти, как политической проблемы, у нас нет. Она решена, и решена надолго. Это не требует, пожалуй, и доказательств. Мы не видим никаких претендентов на власть. Какие бы то ни было претенденты на власть были бы встречены массами, миллионами крестьян и рабочих только с насмешкой. Только с насмешкой мы обращаем наше внимание на те группы, которые претендуют на какое бы то ни было политическое влияние у нас.

Разложение всех политических партий, которые пытались строить свою политику на отрицании Советской власти, на нападении на Советскую власть, на подрыве Советской власти,—определенный факт, который не подлежит оспариванию. На основе этого укрепления Советской власти в обстановке распада всех политических партий и смешного характера, который уже принимает всякое движение, предпринятое, чтобы сменить рабоче-крестьянскую власть какой-либо другой,—мы имели возможность провести ту амнистию нашим врагам, ту амнистию преступникам против Советской власти, которая недавно была опубликована от имени Центрального Исполнительного Комитета. И я хотел бы показать одной только цитатой, что признание непоколебимости нашей власти, отсутствие политической проблемы власти признано уже и нашими врагами.

Вот передо мной политический журнал „Воля России" за октябрь 1923 г.,—журнал центра социалистов-революционеров, журнал людей, вождем которых является Чернов. В этом журнале приведена беседа одного из этих с.-р. с человеком, недавно прибывшим из России, с человеком, который отнюдь не относится сочувственно к Советской власти. Вот что там пишут:

„У вас здесь говорят: конечно, надо все делать, но прежде всего надо скинуть большевиков. А я вам замечу: так вы же видите, что они не „скидываются". Значит, на этой логике далеко не уедешь". (Смех).

Вот именно, далеко на этой логике не уедешь. Можно поехать на этом только в тот исторический музей, куда складываются один за другим, начиная с Керенского, меньшевиков и с.-р. все исторические покойники, претендовавшие на власть. (Аплодисменты).

Почитаем, товарищи, дальше. Полезно иногда почитать эту литературу.

„И когда в России читают статьи о „скидывании" большевиков и о жестокости режима, то читатели или улыбаются, или раздражаются. И хотя бы только потому, что это слишком все устарело. При таких условиях нужно сказать: зачем же пишутся подобные статьи в эмигрантской прессе?"

Товарищи, конечно, это свидетельство нужно не для того, чтобы чувствовали рабочие и крестьяне всю мощь полити-

ческой власти, которая сосредоточена в их руках, и которая делает эту власть непоколебимой. Полезно, однако, иногда посмеяться и проследить за тем процессом, который превращает всех этих политических деятелей в политических покойников. Поэтому неудивительно то, что в этой же самой прессе мы читаем заявления, которых, признаться, мы оттуда не ожидали.

В последней книжке журнала группы тех же эсеров „Современные Записки" пером автора, который предрекает неизбежный провал всей нашей экономической политики, перерождение рабоче-крестьянского правительства в правительство буржуазное или мелкобуржуазное, и который рисует крах нашей экономики, на чем я подробнее остановлюсь дальше,— пером этого же господина написаны следующие слова:

„Государственный капитализм — строй, который характеризует сейчас Советскую Россию, дает правительству возможность создать для занятого промышленного пролетариата относительно благоприятные условия труда, ибо проистекающая от непомерно высокой заработной платы... (послушайте, товарищи, мы считаем, что заработная плата наша низка, мы считаем, что должны итти к повышению заработной платы, и никогда ни у кого из нас не могли бы сорваться слова о непомерно-высокой заработной плате а эти господа, сидящие за границей, указывают на то, что рабочий клас в России получает, оказывается, „непомерно высокую заработную плату") убыточность промышленности покрывается за счет государственных средств. В результате сей меньшевистско-эсеровский мудрец делает следующий вывод: рабочие, занятые в государственных предприятиях, глубоко заинтересованы в сохранении существующей системы. Что же нам еще надо? (Смех).

Если мы у врага вырвали признание, что рабочие г л у б о к о заинтересованы в сохранении существующей системы, то это, пожалуй, все, что можно требовать от врага.

Забавы угрюмых идиотов эмиграции.

Поэтому не будем удивляться, что вынужденные к подобного рода признаниям, неспособные противопоставить нашей политике какую-либо другую политику, эти господа,

переходящие мало помалу в ряды покойничков, занимают себя и те небольшие эмигрантские круги, которые к ним еще прислушиваются, всякими россказнями на ту тему, что ежели большевиков нельзя свергнуть, ежели рабоче-крестьянское правительство нельзя скинуть, то, может-быть, оно само разложится, разобьется, погибнет в разногласиях. Это утешение по человечеству можно понять; можно допустить, что и этим людям необходимо какое-либо утешение.

Поэтому, когда мы читаем на страницах этой эмигрантской прессы совершенно нелепые сообщения, забавные выдумки угрюмых идиотов эмиграции, относительно отставки тов. Троцкого, перемены в составе правительства, новых перетасовок в личном составе руководящего ядра рабоче-крестьянского правительства,—мы говорим себе: да пусть себе забавляются угрюмые идиоты эмиграции.

Да, у нас бывают разногласия. Да и как же можно думать, чтобы при том трудном деле, которое мы взяли на себя, не происходило никогда споров, трений и разногласий. В самые трудные моменты нашей истории бывали эти споры; мы спорили перед Брестским миром, мы спорили перед поворотом к новой экономической политике, мы спорили недавно о тех экономических мерах, которые должны быть приняты для улучшения нашего хозяйственного положения, но из всех этих споров мы выходили еще более едиными. В спорах мы проверяли свою политику и всегда находили правильный путь для ее продолжения. Мы поэтому спокойно смотрим на все сплетни и россказни буржуазной и белогвардейской печати: пусть себе эти покойнички забавляются, а мы с прежним единством, в дружном сотрудничестве, крепко держась за руки, будем продолжать нашу работу.

Задачи социалистического строительства.

Теперь я перехожу к нашему хозяйственному строительству. Заранее извиняюсь, что я буду утомлять ваше внимание достаточно большим количеством цифр. Но мы вступаем в такой период, когда самые сухие цифры насчет цены пуда ржи, аршина ситца, насчет цены пуда керосина, становятся одним из важнейших политических факторов. У

нас нет политической проблемы, но зато у нас есть хозяйственная проблема. Эта проблема есть задача построения социалистического хозяйства, и вот то, как мы решаем эту проблему, является определяющим и для нашей политики, и для дальнейших судеб нашего государства. Как мы строим социализм, и строим ли мы социализм, растут ли элементы социализма, растет ли союз рабочих и крестьян, растет ли материальное благосостояние трудящихся,—вот вопросы, которые нас интересуют.

Мы имеем 18 миллионов самостоятельных производителей, производственных ячеек крестьянского хозяйства. Рядом с этими 18 ю миллионами производственных самостоятельных крестьянских ячеек мы имеем национализированную промышленность, национализированный транспорт, национализированную внешнюю торговлю. Задача построения социализма заключается в том, чтобы увязать эти две раздельные, отличающиеся друг от друга общественные формации, увязать национализированную промышленность—базу пролетариата — с этим морем крестьянских мелких хозяйств, самостоятельных, не связанных иначе между собою, как только через рынок.

Продразверстка, продуктообмен, товарообмен.

Эта увязка крестьянских хозяйств и промышленности у нас, в нашей истории, прошла уже определенные стадии. На первых порах мы пытались увязать национализированную промышленность и крестьянское хозяйство путем прямого снабжения крестьянства продуктами промышленности. Это была эпоха—продразверстки и пайка. Вы знаете, что этот способ увязки, который представлял собою экономическую основу эпохи военного коммунизма, не удался и не мог удаться; это выяснилось, как только железный обруч военного положения был с нас снят. Промышленность оказалась не в достаточно цветущем положении, чтобы иметь возможность обеспечить крестьянство всеми необходимыми продуктами. С другой стороны, продразверстка привела к сокращению посевов. Мы тогда должны были перейти и перешли на некоторые моменты от системы пайка и продразверстки к системе продуктообмена. Мы не хотели пере-

ходить на товарообмен. Это была только переходная стадия. Мы перешли и находимся сейчас в периоде, когда увязка национализированной государственной промышленности и крестьянского хозяйства совершается путем товарообмена, на почве свободной купли и продажи. Это, товарищи, и есть нэп.

Сущность нэп'а.

Ни в чем другом не заключается нэп, как в том, что крестьянину мы предоставили возможность свободно располагать продуктами своего труда. И, переходя понемногу от продразверстки к продналогу, от продналога к смешанной форме денежного и натурального налога и предполагая в этом году перейти к чисто-денежному налогу, мы совершаем все время дальнейшие шаги в области предоставления крестьянину полной свободы распоряжения продуктами его хозяйства.

Если вы теперь, товарищи, вспомните, что крестьянское хозяйство дает у нас продукции на 5 с половиной миллиардов рублей, что в то же время наша промышленность дает в золотых довоенных рублях 2 с половиной миллиарда, что вся крестьянская продукция — вне нашего непосредственного управления, контроля и руководства, что она свободно обращается на почве свободной купли и продажи, то вы увидите, что суть нэп'а заключается именно в этом— в свободном обороте продуктов сельского хозяйства и крестьянского труда. Нет никакого сомнения, что таким образом нэп не является ни методом калькуляции, ни каким-нибудь методом, который затрогивает только поверхность наших экономических отношений. Нет. Он затрогивает самую основу наших отношений, он создает новое соотношение классов. И вот, ставши на этот путь, когда увязка нашей национализированной промышленности и крестьянского хозяйства происходит только на рынке, мы раскрыли таким образом дорогу стихии вольного рынка, которая и есть как-раз та стихия, на основе которой произрастают буржуазные отношения.

Было бы неизмеримой глупостью, если бы, вступая на этот путь, мы не отдавали себе отчета в том, что мелко-

буржуазный рынок есть тот питательный бульон, в котором произрастают элементы капиталистического накопления и капиталистического хозяйства.

Оправдал ли себя нэп, как путь к социализму?

Поэтому вопросы о том, увеличиваются ли в нашем хозяйстве элементы социализма, производим ли мы увязку между промышленностью и государственным хозяйством, правильна ли эта увязка, уходит ли она из наших рук и не переходит ли в чьи-либо другие,—есть основные политические вопросы.

Рынок уже дал нам себя знать. Мы пережили с вами за отчетный год очень острый кризис, и немало голосов говорило нам, что этот кризис—кризис новой экономической политики, что этот кризис касается самых основ этой политики. Поэтому мы должны самым внимательным образом на этом остановиться. Я беру меньшевиков, они пишут в последнем номере своего журнала: „Мы имеем дело со специфическим кризисом новой экономической политики, знаменующим крах той политики, при помощи которой пролетарская диктатура пытается восстановить народное хозяйство". Это говорят меньшевики. А с.-р. пишут: „На очередь ставится вопрос о ликвидации системы государственного капитализма (т.-е. новой экономической политики) и о решительном переходе к свободному частно-капиталистическому обороту. Кто сказал „а", должен сказать „б".

Вы видите, что вопрос поставлен этими нашими классовыми врагами в совершенно определенной и ясной форме. Наши враги не только утверждают, что пережитый нами кризис есть кризис самых основ нашей экономической политики, они, как вы слышите, имеют вполне ясный ответ, как лечить наше хозяйство. Ответ этот мы слышим уже в течение нескольких лет, о нем кричит вся буржуазия, этот ответ таков: надо призвать частный капитал—русский и иностранный, надо восстановить частную собственность и тогда кризиса не будет, все пойдет по-хорошему,—таков ответ меньшевиков и эсеров. Они говорят русским крестьянам и рабочим: видите, у вас ничего не выходит, у вас кризис, позовите назад помещиков и капиталистов, они наладят хозяйство. За эти советы мы вышвырнули их за наши пределы.

Этих советов классовых врагов никогда не примут русские рабочие и крестьяне. Но какой же у нас был кризис? Действительно ли мы пережили кризис основ новой экономической политики? Требуется ли от нас пересмотр этой политики? Может-быть, да. Мы не догматики, не связали себя ничем. Для нас новая экономическая политика есть один из путей построения нового социалистического хозяйства. Может-быть, действительно, испытавши этот путь, мы должны будем признать, что этот путь не годится. Мы тогда должны будем его переменить. И мы переменили бы его, если бы пришли к убеждению, что, действительно, этот путь не ведет к той цели построения социалистического хозяйства, которую мы перед собою поставили. Дала ли новая экономическая политика ту атмосферу и обстановку, при которой совершилось развитие производительных сил страны? Стала ли страна богаче? Поставлены ли крестьяне и рабочие в отношении материального благосостояния в лучшие условия, или нет? Увеличились ли богатства страны? Если нет, нашу новую экономическую политику нужно пересмотреть. Нужно тогда избрать другой путь для дела построения социализма.

Поэтому на этом вопросе, на вопросе о том, какого рода был этот кризис, касался ли он, действительно, основ политики, или это какой-то другой кризис, мы должны сосредоточить свое внимание. Ответ на это должен быть ответом фактами. Тут нельзя отвечать ни резолюциями, ни революционным энтузиазмом. Здесь нужно сопоставление фактов. Вот на этом я на минуточку задержу ваше внимание.

Чем был вызван нэп?

Вспомните, с чем мы подходили к нэп'у, вспомните обстановку начала 1921 года. В тогдашних речах В. И. Ленина вы найдете полную характеристику того времени. Три основных экономических кризиса сделали для нас переход к нэп'у, по словам В. И., абсолютно необходимым. Мы имели глубочайший продовольственный кризис, сокращение запашек, замирание сельского хозяйства, прекращение посева технических культур, почти прекращение выполнения сельским хозяйством роли сырьевой базы для промышленности. Мы имели топливный кризис,- тогда в 1921 году, в начале, мы

должны были закупать за границей уголь, потому что наша всероссийская кочегарка, разрушенная долгим периодом гражданской борьбы, не могла поставить необходимого минимума пищи для нашей промышленности. Отсутствие топлива привело к параличу промышленности. Наконец, мы имели кризис транспортный, который доходил до того, что бывали моменты, когда все правительство в центре и важнейшие представители Советской власти у себя на местах сидели и следили за каждым вагоном хлеба, когда для того, чтобы продвинуть один состав, необходим был специальный отряд, толкающий специальным приказом Владимира Ильича. Это было в начале 1921 года. Замирание сельского хозяйства, паралич промышленности на почве острого недостатка топлива, паралич нашей кровеносной системы—транспорта—и на этой почве кризис экономический, кризис политический, кризис недоверия, кризис трения между крестьянством и рабочей властью, нарастание элементов недовольства и смуты, даже в рабочем классе.

Вы знаете, что этот политический кризис, созданный этими экономическими противоречиями, этим экономическим параличом, получил свое выражение в памятных событиях марта 1921 года. Вот картина, которую мы имели. Что же мы имеем сейчас? Я обращаюсь, прежде всего, к сельскому хозяйству.

Кризис сельского хозяйства и голод.

Сельское хозяйство—это основной резервуар нашей хозяйственной энергии и хозяйственной мощи. К 20 году мы имели общее сокращение посева на 20 миллионов десятин; сокращение сырья для промышленности, а именно сокращение посевов льна—на 50%, а посев хлопка к 20 году сократился на 90%. Имело место общее сокращение скота. Это было в 20 году. Затем нас ударил голод.

Очень часто, когда оценивают ныне наши успехи, забывают, что мы работали весь 21—22 г. в ненормальных условиях, что мы должны были затрачивать дополнительно усилия на ликвидацию последствий голода. Эта задача еще и теперь не закончена. Когда вы, таким образом, оцениваете добытые итоговые цифры наших успехов, не забывайте, что в них входят те дополнительные затраты энергии, продуктов,

денег, которые затрачены были специально на покрытие той ямы, которую принято называть голодом.

Что принес нам голод? Он дал нам, по некоторым подсчетам, потерю в миллиард триста миллионов пудов хлеба, потерю пяти миллионов крупного скота, четырех миллионов лошадей. По голодным, пораженным голодом районам всего нашего Союза, если считать в 20 году общее количество посева за сто, то в 21 году мы имели 88, а в 22 г.—60, т.-е. мы потеряли из-за голода посевов на 40%. Таким образом, не только те бедствия, которые являются результатом 6-ти лет революции, внешних и внутренних войн, блокады, но и дополнительные, т.-е. голод, кинули наше сельское хозяйство в очень глубокую яму разрухи.

Возрождение сельского хозяйства.

Что же мы имеем теперь? К чему мы пришли? В 21 году 60 миллионов десятин всех посевов, в 22 году 51 миллион, в этом 23 году—61 миллион десятин.

Это значит, что за этот год мы подняли цифру наших посевов на 10 миллионов десятин, т.-е. на 19%. Мы имеем теперь 75% посевной площади 1916 года. Для показательности процесса, наблюдающегося в нашем сельском хозяйстве приведу еще некоторые цифры. Крупного скота в 23 году у нас на 4 миллиона голов больше, чем в 22 году. Рабочего скота на 1 миллион больше, чем в прошлом году. Наконец, и это очень важно, посевы льна за год увеличились на 10%, конопли—на 16%, а хлопка—на 300%. Очень важно для нашей текстильной промышленности, вместо 53 тысяч десятин хлопка, которые мы имели в 20 году, иметь сейчас 153 тысячи десятин.

Вы видите, что эти цифры сравнительно невелики. Мы ни в одной области сельского хозяйства не перешли еще 75% довоенного производства. И в общей продукции, где мы имеем $5\frac{1}{2}$ миллиардов общей ценности продукции всего сельского хозяйства, и в области животноводства, где мы имеем 71% числа 13 года, и во всех других областях, сравнительно с довоенным уровнем, мы еще отстаем. Но, вместе с тем, мы имеем перед собой несомненную картину роста сельского хозяйства.

Общая продукция сельского хозяйства в довоенных золотых рублях:

В 1913 г.	8	миллиардов	золотых	рублей.
„ 1922 г.	5	миллиар. 250	тысяч	зол. рублей.
„ 1923 г.	5	„ 500	„	„ „

Значит, общая сумма продукции сельского хозяйства достигла у нас 70% довоенной продукции. То же мы наблюдаем и в области животноводства. Животноводство

в 1913 г. давало	2	миллиарда 200	тысяч	золотых рублей.
„ 1922 г. „	1	„ 400	„	„ „
„ 1923 г. „	1	„ 600	„	„ „

т. е. 71% довоенного.

Увеличивается общее количество посевов, интенсифицируется сельское хозяйство, увеличивается количество высокотехнических культур, сельское хозяйство, как поставщик сырья для промышленности, также начинает подниматься. Это дает возможность некоторым из наблюдателей нашей сельскохозяйственной жизни сказать, что через 2—3 года, при среднем урожае, сельское хозяйство твердо станет на ноги и будет способно выбросить на рынок от $1^1/_2$ до 2 миллиардов рублей золотом своей продукции. Таким образом, нет никакого сомнения, что за этот год, в области сельского хозяйства, мы не только не остановились на одном уровне, но мы пошли, и значительными шагами, вперед.

Рост промышленности.

Обратимся к нашей промышленности. И тут вам придется также выслушать несколько цифр. Вещь скучная, но необходимая.

Общая валовая продукция промышленности в довоенных золотых рублях в 1913 году была $6^3/_4$ милиарда, в 21 году—1.300.000.000, в 22 году—1.900.000.000, в 23 году—2.410.000.000. По сравнению с довоенным временем, мы дошли до 36% довоенной продукции, в то время как в прошлом году мы имели только 20—22—23% довоенной продукции.

В течение одного года общая сумма продукции нашей промышленности увеличилась чрезвычайно значительно—на 500.000.000 золотых рублей. Теперь попытаемся проверить

эти общие цифры на отдельных достижениях как-раз тех отраслей хозяйства, которые создали перед нэпом, перед новой экономической политикой, тогдашний острый кризис. Мы увидим, что угля в 20—21 году мы имели 464, в 21—22 году — 589, в 22 — 23 г. мы имеем 648 миллионов пудов. (диаграмма № 1 [1]).

Если мы возьмем Донбасс, нашу кочегарку, то мы имели в 21 году — 284, в 22 году — 406, 23 году — **448 м. п.** Тут взят год хозяйственный. По последним сведениям, которые у меня имеются за год календарный (с 1-го января по 1-е января), включая не только государственную промышленность, но и работу комбинатов, работу Наркомпути, мы имеем за этот год по Донбассу **576 мил. пудов**. Обратимся к нефти. Здесь мы имеем такие цифры: в 1920—1921 г.—224; в 1922 г.—274, в 1923 г.—317 миллионов пудов. Как видите, мы можем сказать, что 1923 г. принес окончательное решение топливного кризиса. То, над чем мы так бились, то, что заполняло страницы наших газет выкриками: „Все на топливо!", „Подать топливо во что бы то ни стало!", „В ударном порядке необходимо топливо!"—эта проблема решена. Топливо в этом году нашим топливным хозяйством поставлялось всем потребителям без отказа и в полной мере. Мало того, мы должны признаться вам, что в Донбассе у нас лежит 70 мил. пудов угля, которые превышают плановые задания и потребности страны.

Мы дошли до такого момента, когда правительство серьезно должно обсуждать вопрос о том, что для нашего донецкого угля необходимы и заграничные рынки. Это результат только 2—3 лет работы в Донбассе. Мы, наконец, дожили до того, что ни одна отрасль промышленности и ни один потребитель не получили отказа в удовлетворении нефтью и углем. Если вы вспомните теперь ту трудность задачи, как мы рисовали ее себе: дать пищу промышленности, обеспечить топливный фонд для всей нашей промышленной деятельности,—то надо удивляться тому, что в условиях новой экономической политики мы добились таких результатов.

Посмотрим теперь на нефть. Мы добыли в этом году 315 мил. пудов. Мы продали на внутреннем рынке 215 мил.

[1]) Все диаграммы—в конце брошюры.

пуд., 20 мил. мы уже вывезли за границу в этом году, и мы имеем остаток 80 мил. пудов на 1-е октября этого года.

Топливный кризис — дело прошлого. Промышленность имеет свою пищу и может развертываться на базисе топлива нормально и планомерно, не задумываясь насчет того, что по простому заказу, по простой телеграмме, без толкачей, без специальных распоряжений тов. Калинина, тов. Рыкова, без специальных телеграмм, топливо будет доставлено.

Это крупнейшее завоевание. Топливо—пища промышленности. Без решения задачи топлива смешно говорить о развитии промышленности. Отсутствие топлива было одной из главных причин кризиса весны 1921 года. Теперь эта задача решена.

Перехожу к другим областям промышленности. Рудная промышленность—основа нашей металлургии—добыча железной руды возросла за один год в два с половиной раза; выплавка чугуна выросла за один год в два раза. Пряжа — это основной крестьянский товар, именно через эту, текстильную, промышленность решается проблема смычки национализированной промышленности и крестьянства. Вот цифры выработки пряжи в тысячах пудов: 1.075 тысяч пуд. — в 1921 г.; 3.065 тыс. пуд. в 1922 г.; 4.515 тысяч—в 1923 г.

Готовая ткань в аршинах: 205 мил. аршин—в 1921 г.; 437 мил. аршин—в 1922 г.; 760 мил.—в 1923 г.

Если взвесить эти сухие цифры, которые, однако, решают проблему: строим ли мы социализм, или бессильны?—то мы имеем в пряже за два года увеличение общей суммы производства на 420%, за 1 год, последний,—на 147%. По готовой ткани увеличение за 2 года—на 370%, за 1 год, последний,—на 170%.

Вот основные цифры по основным продуктам промышленности. Но я не хотел бы на этом останавливаться; я боюсь вас утомить. Я прочту лишь некоторые цифры. Вы, строители нового хозяйства, должны знать, имеете право знать о результате длительной работы, в этом отношении проделанной. Вот вам выплавка чугуна: за один год увеличение на 77%; мартеновское литье за один год увеличилось на 86%; прокатка—на 65%; производство разных машин за один год увеличилось на 55%; инструменты и прочие изделия из ме-

таллов—увеличение за один год на 63%; орудия транспорта—увеличение за один год на 115%. Общая продукция металлургическая и крупного машиностроения дала увеличение на 63%, при чем товарищи, которые проверяли эти цифры, свидетельствуют о плавности движения из месяца в месяц за последний год [1]).

Мы имеем по машиностроению, если взять продукцию первого квартала за сто, в следующем квартале 117, в следующем 155 и в четвертом 173. Таким образом, это не случайное повышение, не то, что какая-нибудь случайная ситуация создала нам такое положение, что вопреки нашей политике могла получиться такая картина возрастания нашей промышленности. По всем этим отраслям вы видите страшно малые цифры в 1921 году, несомненный рост в 1922 году .и ускорение темпа роста от 1922 к 1923 году. Это обстоятельство может преисполнить нас, конечно, не оптимизма, который нам не нужен, а спокойной уверенности в том, что дело восстановления основной базы пролетариата, основной базы пролетарской диктатуры, находится на верном пути.

Еще несколько цифр. Кожевенная промышленность прибавила продукции на 37% за один год; резиновая—42%; спичечная—95%; бумажная—104%; стекольная—102%; общее увеличение основной химической промышленности—63% [2]).

Каков же итог? Общий рост промышленности. Планомерность этого развития из года в год, из месяца в месяц.

Вот, товарищи (диаграмма № 2), здесь представлены различные отрасли нашего хозяйства только за этот последний год, и если изъять хлопчатобумажную промышленность за летние месяцы, когда фабрики были закрыты, то вы увидите планомерный подъем: нефть, Донбасс, от октября до ноября, уголь—все это показывает (я не обращаю внимания на некоторую зигзагообразность линии, а обращаю внимание на среднюю линию) подъем.

Вы видите, что это есть планомерное развитие из месяца в месяц, которое свидетельствует об основном оздоровлении самого процесса, самой организации производства.

---

[1]) Точные цифры см. в конце брошюры в таблице № 1.

[2]) Цифры валовой продукции разных отраслей промышленности в миллионах довоенных золотых рублей см. в таблице № 2.

Собирание пролетариата.

На этой почве,—на почве роста промышленности,—мы отмечаем и важнейший политический фактор—консолидацию пролетариата. Мы имеем в государственной промышленности такую картину: в 1921 году 1.120 тысяч пролетариев, в 1922 году—1.250 тысяч, в этом году—1.450 тысяч, увеличение нашей рабочей армии за год на 200 тысяч пролетариев. Мы дошли, наконец, до того, что имеем занятыми в промышленности 60% всего пролетариата довоенного времени.

Вспомните, товарищи, как в той самой речи, которою Ильич твердой рукой поворачивал нас на новый курс, на курс новой экономической политики, он горько говорил:

„Где наш пролетариат, где та промышленность, которая может собрать пролетариат, консолидировать его, укреплять его классовое самосознание, его классовые чувства? Где он?"

Мы на этот вопрос можем теперь ответить: процесс рассасывания пролетариата закончился. Мы присутствуем при новом важнейшем политическом факте. Пролетариат собирается обратно в города. Города растут, процесс консолидации пролетариата усиливается. Вместе с тем растут и его культурный уровень, его материальное благосостояние. Процесс повышения заработной платы еще далеко не достаточный, и я расскажу,—почему, но он несомненно есть. Мы имеем тенденцию роста заработной платы несомненную, и мы должны эту тенденцию дальше развивать. Совершается возрождение пролетариата,как политически-организованной силы, имеющей под собой твердую базу в развивающейся промышленности, которая уже не скачками идет, а по планомерному пути. Благодаря этому получается новое усиление удельной мощи пролетариата в нашем государстве.

Транспорт работает без отказа.

Еще, товарищи, один показатель того, что мы за два года получили. Увеличилось количество нашей сельскохозяйственной продукции, увеличилась продукция промышленности. Но имеем ли мы тот аппарат, который дает оборот этому товару? Вспомним наш аппарат транспорта, который являлся

величайшим препятствием обороту, который лежал в параличе. Может быть, он является и теперь препятствием обороту торговли, к развитию связи между городом и деревней, может-быть, у него нет достаточно сил, чтобы поднять этот товарооборот? Нет, товарищи, вот цифры о транспорте: длина сети, действующей, работающей сети. В 1914 году максимальная длина довоенной сети—63 тыс. верст. В 1918 г. мы свалились до 25 тыс., а в 1923 г. мы превысили довоенную сеть, у нас работают 64 тыс. верст. Работают, а не числятся на бумаге. На одну тысячу верст больше, чем работало в 1914 г.

А что мы перевозим? Если принять перевозку 13 года за 100, то в 1918 г. мы перевозили только 27%, в 19—только 23% того, что мы перевозили до войны. В 22 году—33%,—поехало вверх, и в этом году—45%. Это значит, 45% от 13-года, и увеличение на $^1/_3$ общего количества грузов, перевозимых железными дорогами за один год. Мы можем смело сказать: наш транспорт работает без отказа. Не получали отказа в этом году в транспорте ни наш товарооборот, ни крестьянское хозяйство, ни промышленность. Прежнее время, когда мы сидели все на телефоне и ждали отдельных вагонов, давным-давно прошло и кануло в прошлое. Транспорт работает без отказа. Мало того, все данные о его состоянии говорят за то, что он способен удовлетворить потребности товарооборота страны, как бы этот товарооборот ни увеличился. Мы можем смело с вами увеличивать все дальше и дальше и производство сельского хозяйства, и производство промышленности. Транспорт не будет отставать. Да, мы здесь должны сказать, что кровеносная система нашего народного хозяйства работает правильно и планомерно. Тов. Дзержинский своим напором, своей энергией добился того, что ни промышленности, ни сельскому хозяйству, ни государственной власти не приходится теперь оглядываться на транспорт. Вопросы транспорта сняты с порядка дня. (Аплодисменты). Мало того, тов. Дзержинский хочет порадовать нас в наступающем году,—и мы ему поможем этой радости добиться,—сделать так, чтобы вся эксплоатация транспорта была бездефицитна, была бы сбалансирована. То, что мы тратили из народного кармана, из общенародных сбережений на поддержание этого транспорта, теперь останется на дру-

гие нужды. Эксплоатация железных дорог поставлена так, что она сама себя будет окупать.

Наконец, мы знаем, что мало только перевозить товары при наших условиях, при нашей экономической политике,— для того, чтобы обращаться, они должны иметь еще некоторое орудие обращения, которое называется—деньги.

Организация кредита.

Я буду еще говорить о деньгах и о наших задачах в области финансов, но сейчас, разбирая вопрос, чего же мы достигли за этот год новой экономической политикой, и что у нас,—действительно ли кризис нашей политики, или какой-то другой кризис, я сообщу только одно: в этом году мы добились того, что поставили кредитную организацию таким образом, что она смогла оказать кредит государственным и кооперативным организациям на сумму 532 миллиона руб. золотом. Хозяйствовать нельзя, если нет кредита, хозяйствовать и планомерно хозяйствовать невозможно, если вы сидите только на одном бюджете. Эту истину мы поняли не очень давно. Кредитные учреждения мы стали организовывать только 2 года назад. И если мы в 2 года так сорганизовали кредит в нищей, бедной стране, не имеющей международных связей, окруженной врагами, только-что пережившей голод с людоедством, если мы организовали кредит для кооперации и госпромышленности в 532 миллиона руб. золотом, то это—очень большое достижение. Мало того,—наш кредитный аппарат—государственный банк—сумел за это время, как основу своих кредитных операций, как основу для червонцев, накопить золота и иностранной валюты на 150 миллионов рублей золотом и, опираясь на это, пустить в народное хозяйство здоровую, твердую деньгу—на 300 миллионов черв. рублей.

Экономическая политика Советской власти оправдала себя.

Имея перед собой эти факты, мы можем ответить, правы ли те господа, которые говорят, что мы имеем кризис нэп'а, имеем кризис самой политики. Это неверно. Наоборот, мы

имеем рост всех отраслей народного хозяйства. Основной резервуар нашей хозяйственной энергии—сельское хозяйство—развивается и находится на правильном пути. База социализма, база диктатуры пролетариата—крупная промышленность—развивается из года в год, улучшает свою организацию и идет вперед. Транспорт—кровеносная система наша—работает без отказа. Деньги—важнейший теперь элемент народного хозяйства—улучшаются равным образом. Кризисы продовольствия, топлива и транспорта разрешены, пролетариат консолидируется.

При наличии этих факторов может ли стоять вопрос о том, что новая экономическая политика не оправдала себя, что мы находимся перед кризисом основ нашей политики. Нет. Страна наша за эти два года и в особенности за последний год стала богаче: она стала богаче хлебом, она стала богаче сырьем, богаче товарами и богаче деньгами. Благосостояние крестьянства и рабочего класса улучшилось и поднялось, и поэтому для нас нет никаких оснований пересматривать основные элементы той экономической политики, на почве которой все эти процессы развились. Не назад нам нужно итти, а вперед. И мы пойдем вперед. Это не значит, что перед нами гладкая дорожка, нет, для того, чтобы двигаться вперед, нам придется преодолевать затруднения и кризисы. Тот был бы величайшим утопистом, тот не был бы политиком, не был бы коммунистом, кто представлял бы себе, что новая экономическая политика есть умощенная гладенькая дорожка, по которой мы прямехонько въедем в социализм. Нет, новая экономическая политика есть попытка построить социализм в аграрной стране, ее задача—пригонка национализированной пролетарской промышленности и крестьянского раздробленного хозяйства. Эта пригонка нам удастся не сразу. И ни в одной книжке не говорится, как строить социализм на деле, как регулировать промышленность и пригонять ее к 18 миллионам крестьянских хозяйств. Рецептов на это нет,—это делается только на опыте. Тут мы будем учиться изо дня в день. Пригонка государственной промышленности к крестьянскому хозяйству, сочетание интересов промышленности и деревни—длительная практическая задача. И тот кризис, который мы пережили, показывает, с какими затруднениями

мы в этой практической задаче будем встречаться. Тот кризис, который мы переживали, есть кризис не основ нашей экономической политики, а кризис несоответствия между отдельными отраслями народного хозяйства. Наша промышленность развивается, растет, но она еще не научилась производить по такой цене, которая была бы доступна крестьянскому рынку.

Наше сельское хозяйство развивается, растет, но оно еще не способно потребить продукты нашей промышленности. Вот несоответствия, вот основа кризиса: высокие цены на продукты промышленности, низкие цены на хлеб. Мы имеем не кризис основ нашей политики, как кричат наши враги, а кризис сбыта. Этот кризис свидетельствует только об одном,—что мы должны вновь и вновь учиться пригонять промышленность к крестьянскому хозяйству.

Те, которые подсказывали нам провал Октябрьской революции с самого начала, говорят нам и теперь: видите,—кризис; значит, выход в частном капитале,—пожалуйте к частному капиталу.

Социализм и частный капитал.

Совершенно точные, бесстыдные, можно сказать, формулировки мы имеем на этот счет, и мы должны к ним внимательно прислушиваться, так как они дают нам ту программу, которая может быть противопоставлена нашей.

Вот что эта программа говорит:

„Основной процесс возрождения народного хозяйства должен поэтому протекать в частно-капиталистических формах, а для этого требуется широкая денационализация и такие политические условия, при которых возможен приток внутреннего и иностранного капитала во все отрасли промышленности". Так говорят эсеры и меньшевики. Так пишет газета, которая, издеваясь над здравым смыслом, осмеливается называть себя: „Социалистический Вестник".

Это рецепт серьезных людей, серьезных в том отношении, что за ними кроется весь мировой капитализм, который смотрит на наши цифры, на наш кризис и говорит:

„А, господа рабочие, не удастся вам социализм построить".

А мы им докажем на деле: нет, социализм строится. Не

так быстро, как мы бы хотели, в гораздо более трудных условиях, в условиях пригонки национализированной промышленности к условиям свободного рынка. Но элементы социализма все же растут, и эта смычка между национализированной промышленностью и крестьянским хозяйством все время будет увеличиваться. Они говорят: зовите капиталистов и помещиков; а мы говорим: нет, мы делаем другой вывод из наших затруднений: надо поднимать благосостояние крестьянства, надо поднимать национализированную промышленность, надо смыкать развивающуюся промышленность и развивающееся сельское хозяйство в едином противокапиталистическом союзе. Это трудное практическое дело, но, ведь, сбросить царя, помещиков и капиталистов было тоже трудно. Рабочие и крестьяне справились с тем делом, справятся и с этим хозяйственным делом.

Мы должны помнить, что на хозяйственном фронте мы сейчас не одни. Нет, мы с вами допустили и буржуазию. Она стоит тут около нашей работы, глядит на те „ножницы", которые я вам сейчас покажу. И мы знаем, что всякое наше упущение в деле смычки между пролетариатом и крестьянством превращается в экономический капитал новой буржуазии. Мы с вами достаточно марксисты и реалисты, чтобы знать, что всякий экономический капитал пытается превратиться в политический капитал. Рост новой буржуазии, как результат недостаточно правильного решения вопроса о смычке между рабочими и крестьянами, есть явная угроза, которой мы должны смотреть в глаза, но от которой нам нечего приходить в панику.

Нас учил Владимир Ильич, что мы должны допустить нэпмана. Если мы допустили $5^1/_2$ миллионов продукции сельского хозяйства обращаться на вольном рынке,—путем купли и продажи,—как же не вырасти буржуазным отношениям, как же не расти, как не пытаться буржуазии встрять между рабочим и крестьянином?

Но она допущена нами лишь до известного предела. Этот предел определяется нашей экономической мощью, успехом смычки между городом и деревней, между пролетариатом и крестьянством, а эта смычка, в свою очередь, определяется на деле товарооборотом между национализированной промышленностью и крестьянским рынком. Поэтому-то „нож-

ницы", т.-е. расхождение цен между промышленными продуктами и продуктами крестьянского труда, приобретают для нас основное значение. Цена пуда ржи—с одной стороны, и цена ситца, железа, керосина—с другой стороны; величина накладных расходов промышленности, работа нашей государственной торговли и кооперации — становятся поэтому основными вопросами политики. Всю энергию и все наше внимание мы должны обратить теперь на то, чтобы эти цены, эти накладные расходы, эта работа государственной торговли и кооперации не разъединяла, а объединяла рабочих и крестьян. Тогда никакая буржуазия нам не будет страшна, тогда дело социализма будет двигаться вперед, несмотря на все затруднения и все препятствия. Мы должны помнить, что всякой нашей ошибке в этой области радуются наши классовые враги. Поскольку на основе рынка, который мы с вами не отменили и не собираемся отменять, растет новая буржуазия, присмотр за нею со стороны рабочих и крестьян должен быть самый строгий.

Мы должны смотреть правде прямо в глаза и принимать свои оборонительные и наступательные меры, но прежде всего должны видеть реальные очертания этой опасности.

Борьба с „ножницами".

Взгляните на „ножницы" (диагр. № 3). Эти „ножницы", как вам давно понятно, перестали быть экономическим вопросом. Они единственно политические вопросы, которые существуют у нас в республике, ибо они определяют смычку между рабочими и крестьянами. Вы видите, что эти „ножницы" приблизительно до сентября 1923 года идут, все время растворяя свою пасть, и с этого момента начинается решительная борьба правительства с этими „ножницами". Мы пытаемся, поджимая с одной стороны и нажимая с другой,— превратить эти „ножницы" в клещи, которые глушили бы тот нэп'овский капитал, который в пасть этих „ножниц" пробирается. Насколько это нам удается, и как удастся нам дальше направлять эту политику? Решение вопроса о „ножницах", есть, действительно, решение основного вопроса.

Позвольте, товарищи, перед этой картиной „ножниц", которая в абстрактной форме рисует вам расхождение цен на

сельскохозяйственные продукты, которые, как видите, ниже уровня, и на продукты промышленности, которые выше уровня,—позвольте вам нарисовать конкретную картину того, как правительству приходится с этим вопросом сталкиваться, и как в реальной жизни приходится решать этот вопрос. На Нижегородской ярмарке Центросоюз решил закупить как можно больше товара. Руководствовался он простым соображением: крестьянин соберет хлеб к осени, продаст его и обратится ко мне, Центросоюзу, за продуктами промышленности. Поэтому покупай побольше, а так как у крестьянина после реализации урожая будут деньги, то за ценой не стой Но так как Центросоюз сам денег не имел, а надеялся заплатить трестам и синдикатам теми деньгами, которые он получит от крестьян, то он выдал на всю сумму закупки векселя. Этих векселей было выдано на очень большую сумму. Я возьму один только месяц. В ноябре Центросоюз должен был заплатить 20 милл. нашим трестам, нашим синдикатам, нашим заводам. Товары свои он, благодаря прекрасной работе тов. Дзержинского, свез на места, они лежали там, и он ждал получения из райсоюзов, из низовых ячеек, своих 20 милл. рублей для того, чтобы отдать их через Госбанк трестам и синдикатам. Подходит ноябрь месяц, и из всех райсоюзов Центросоюз вместо денег получает сообщения: товары лежат, крестьянин не покупает, поэтому выслать вам денег не можем. Тогда тов. Хинчук забирает все пакеты полученных сообщений и является, конечно, в СТО и говорит: я, товарищи, должен был в этом месяце внести трестам и синдикатам 20 милл. рублей, но у меня их нет. Почему нет? Крестьянин не покупает. Но не забудьте, товарищи, что, когда в одну дверь вошел тов. Хинчук с заявлением, что он не может заплатить, в другую дверь пришли к тому же правительству представители фабрик и заводов: мы рассчитывали получить в ноябре 20 милл от тов. Хинчука, которые должны были обратить на выплату заработной платы, на закупку сырья, обновление машин, а теперь мы узнаем, что он платить не будет. Что же нам делать? Видите, как эта цепь обрушилась и на промышленность, и на крестьянство. Крестьянин сидел перед товаром, видел эти товары, ему абсолютно необходимые, но по существовавшей цене он не мог их купить, а в то время про-

мышленность, выпустившая свои товары и ожидавшая получить деньги для выплаты заработной платы, для покупки сырья, для развития производства, получила известие—платежей не будет. Что же делать промышленности? Закрывать заводы, сокращать производство, сорвать постепенный рост нашего производства, потому что крестьяне не купили товаров. Тут, действительно, цепь, которая ударила одним концом по крестьянину, другим концом — по рабочему. И если бы мы не приложили всех усилий к тому, чтобы эти разошедшиеся лезвея сжать, если бы по обоим фронтам мы не стали действовать так, чтобы сжимать, то тогда получилось бы то, от чего предупреждал нас т. Ленин. Он говорил нам: товарищи, смотрите за крестьянином. Если придет такой момент, когда крестьянин скажет: мне ваша социалистическая организация не подходит, она дорога; оплачивать ситец, произведенный по советски, я не могу, покупать керосин, который произведен на нефтяных промыслах, принадлежащих государству, я не в силах,—это будет грознейшее предзнаменование того, что мы смычку между рабочим и крестьянином проводим скверно, что социализм строим очень плохо. Вот почему этот вопрос для нас стал центральным вопросом.

Что же тут можно сделать? Прежде всего, надо поднять то лезвее „ножниц", ту линию, которая указывает нам цены на сельскохозяйственные продукты. Эта линия (указывает по диаграмме) говорит о довоенном уровне. Если довоенный пуд хлеба стоил по этой линии (указывает по диаграмме), то нынешние цены на хлеб падали все ниже и упали так, что пуд хлеба дошел до этого уровня (по диаграмме). Потом они стали подниматься. Вся энергия Советского правительства должна быть ныне сосредоточена на том, чтобы всеми силами придти на помощь крестьянину в подъеме крестьянских цен на хлеб. Но что же тут можно сделать? Первое, что определяет цену на крестьянский хлеб,—это обширность его потребления. Наша промышленность теперь уже, чем до войны, города меньше, чем до войны, область потребления крестьянского хлеба внутри России меньше, чем до войны. Единственная, реальная помощь, которую может государство оказать крестьянину для того, чтобы цена на хлеб повысилась,—это усилить вывоз хлеба за границу.

Экспорт хлеба.

Надо помнить, что наше сельское хозяйство было построено как часть мирового хозяйства. Мы вывозили до войны продуктов сельского хозяйства на миллиард золотых рублей, а потом, в течение войны и революции, вместо миллиарда—на нуль. Это перестроило все наше хозяйство. Если хозяйство приспособилось к тому, чтобы на миллиард золотых рублей ежегодно вывозить, а потом вывоз прекращается, то это должно было подействовать разлагающим образом на все строение хозяйства. Только в прошлом году проблема вывоза хлеба стала перед нами реально. Только после голодного года мы могли поставить эту проблему, и правительство немедленно взялось за эту задачу. В прошлом году мы вывезли 40 мил. пуд. В этом году мы увеличили себе задачу в 6 раз — до 250 мил. Вы знаете, товарищи, что этот вывоз в 250 мил. пудов составляет только $^1/_4$ того, что вывозила Россия до войны, и, следовательно, это еще далеко не достаточный вывоз. Мы считаем, что главнейшей задачей нашей внешней политики, главнейшей задачей нашей дипломатии является отвоевать для русского крестьянского хлеба, для хлеба союзного крестьянства те мировые рынки, которые были потеряны во время войны и революции и были захвачены американцами. Это не так просто. Она требует усиленной работы и внутри—заготовляющих органов и вовне—органов внешторга и нашей дипломатии. Мы ее начинаем решать благополучно. Отзывы, которые мы имеем, показывают, что реализация нашего хлеба на заграничном рынке идет хорошо, и что мы этот рынок начинаем завоевывать.

Вот что пишет „Берлинская Биржевая Газета“ в номере от 30-го декабря п. г. относительно нашего хлеба:

„Главным результатом предыдущего и нынешнего сезона является то, что все ожидания, касающиеся русского экспорта, особенно экспорта хлеба, оказались превзойденными. Русская рожь быстро успела занять первое место на германском рынке сбыта ржи, которое со времени окончания войны нераздельно занимала американская рожь, и привоз из России, как и новые предложения ржи, заметно возра-

стает. На этот раз русская рожь обнаруживает особенно хорошие качества для помола. Она тяжела на вес и в то же время обладает тонкой шелухой. Заслуживает особенного упоминания, что очистка зерна под контролем Советского правительства, в противоположность прежним временам, безупречна".

Если мы так будем продолжать, если мы завоюем внешний рынок для хлеба нашего крестьянства, тогда это окажет благодетельное влияние и на внутренние цены: цена на крестьянский хлеб будет подниматься, ибо будет расти спрос на него.

Мы должны понимать, что вне развития экспорта, вне завоевания свободной широкой дороги для продуктов русского сельского хозяйства за границей, у нас нет выхода из раздвижения „ножниц".

Наш заграничный вывоз.

Я бы хотел здесь, кстати, остановиться и вообще на нашем положении с заграничным вывозом. Не думайте, товарищи, что дело у нас здесь обстоит таким образом, что мы только недавно начали сноситься экономически с заграницей. Нет. Мы сносились с заграницей уже в 1921 году. Вот картина, которую дает нам импорт и экспорт (диаграмма № 4). Вот как мы ввозили. Взгляните на эту линию, и вот как мы вывозили. Расстояние между ними показывает, насколько больше мы ввозили, чем вывозили. Мы, бедная, нищая и голодная страна, должны были затрачивать последние крохи накопленных ценностей, чтобы ввозить, и мы почти ничего не имели для вывоза. В начале 1921 года наш вывоз за границу равнялся нулю. Вот как идет эта линия (показывает по диаграмме). Вот продовольственные продукты, которые мы были вынуждены ввозить в голодном 1921 году. Но заметьте, линия экспорта все время повышается, колеблясь, идет вверх. Только к осени этого года эта красная линия нашего вывоза побеждает черную линию—нашего ввоза, и мы начинаем вывозить больше, чем ввозили. Это, товарищи, и есть создание того активного ба-

ланса, который нам необходим. Мы должны, как можно больше вывозить, потому что нам надо очень много ввозить. Нам надо ввозить сырье для промышленности, машины для сельского хозяйства, лучшие семена, различные материалы, орудия и т. д.

Все это надо ввозить. Чем мы можем оплатить наш ввоз? Только нашим вывозом. Мы должны комбинировать ввоз и вывоз так, чтобы у нас накоплялась разница, получаемая от превышения вывоза над ввозом. Нам нужна некоторая разница, которую бы имел НКФин. Зачем нам эта разница? Может повториться опять несчастный голод, мы не гарантированы от неурожая, и нам нужен некоторый маленький запас. Если бы нам понадобилось ввозить в случае неурожая, необходимо, чтобы эти деньги у нас были. Мы, кроме того, помним, как я указывал в первой части доклада, что могут быть такие моменты, какие были в октябре—ноябре. Нам нужно на такой момент, когда потребуется напряжение всех сил, иметь маленький запас. Наконец, нам нужно,—и это наша очередная задача,—получить хорошие деньги. На деньги, на которые мы жили последний год, жить нельзя. Чтобы иметь хорошие деньги, надо, чтобы в Государственном банке и в кассе НКФина лежал некоторый запас золота.

Вот почему развитие нашей внешней торговли, экспорта, с одной стороны,—единственное реальное средство поднять цены на крестьянский хлеб, с другой стороны,—единственное средство, при помощи которого мы можем развить ввоз некоторых предметов, которые нам нужны.

Я сейчас задержу ваше внимание на изменении состава нашего импорта. Вот что мы ввозили (диаграмма № 5). Черное—предметы потребления. Белое—предметы производственного потребления. Черное—это то, что мы съели, белое—это то, что необходимо для развития нашего хозяйства, нашей промышленности, нашего сельского хозяйства. Вот 1921 год. Почти все ушло на то, чтобы покупать предметы продовольствия. В 1922 году немножко меньше предметов продовольствия и немножко больше предметов производства и орудий производства. А вот 1923 год. Вы видите, как сокращается из квартала в квартал, из месяца в месяц,

становится незначительной величиной ввоз предметов личного потребления, и как громаднейшим образом вырастает ввоз в нашу страну машин, сельскохозяйственного сырья и всего того, что необходимо для развития городской и сельской промышленности. Это—правильная линия. Правительство считает, что это—правильный путь, и что по этому пути надо будет итти дальше: не ввозить никаких предметов роскоши, производить внутри страны все, что можно, ввозить только то, что произвести мы не можем, и что кладется в основу дальнейшего развития нашей промышленности и земледелия.

Наконец, из области внешней торговли еще одно сравнение. Вот наши внутренние цены на хлеб по месяцам с конца 1922 и по конец 1923 года. А вот цены на хлеб на внешнем рынке (диаграмма № 6). Вы видите, как отстают одни цены от других. Вы видите, что появление русского хлеба на мировом рынке заставило хлебные цены понизиться. Но все же внутренняя цена еще отстает от мировой цены. Разница между ценой на внешнем рынке и внутреннем будет всегда, но нам надо использовать внешний рынок для того, чтобы поднять цену крестьянского хлеба и внутри. И тут встает перед нами и крестьянством вопрос: кто же положит в карман эту разницу? При капиталистическом строе разница между внутренними и внешними ценами шла в карман капиталистов, хлебных скупщиков, в карман банкирских фирм, которые держат в своих руках мировую торговлю хлебом. Монополия внешней торговли делает то, что мы получаем возможность направлять эту разницу в государственную казну и употреблять ее в интересах рабоче-крестьянского государства. Вот почему для крестьян монополия внешней торговли в этот момент является одним из важнейших орудий. Пусть наша дипломатия станет орудием крестьянства для того, чтобы крестьянский хлеб получил доступ на внешний рынок. (Аплодисменты). Пусть монополия внешней торговли станет орудием того, чтобы крестьянский хлеб продавать за границей как можно более выгодно для крестьянства, и чтобы весь доход от этого шел на пользу ему, крестьянству, а не на пользу частному посреднику. Тогда мы справимся с тем кризисом, который есть.

Надо поднимать сельское хозяйство.

Но, конечно, не только вывозом будем мы лечить эти „ножницы". Вывоз за границу показал, между прочим, и то, что крестьянское хозяйство наше должно приспособиться к мировому рынку. Когда мы собирались заготовить 250 миллионов пуд. хлеба для вывоза за границу, то главная доля этого хлеба пала естественно на рожь и лишь небольшая доля на пшеницу. А когда мы спросили за границей, какой им нужен хлеб, то большинство стран ответило, что мы едим пшеничку, поэтому подайте пшеничку. До войны одно животноводство, птицеводство, яйца и масло давали русскому сельскому хозяйству вывоз на 80 миллионов рублей. Заграница требует не ржи, а пшенички, требует яиц, масла. Это указывает на то, что наше крестьянское хозяйство должно реорганизоваться, приспособиться к мировым потребностям, поднять свой технический уровень, стать более культурным, более высоким, производить более ценные культуры. Здесь государство должно притти на помощь. Мы должны помочь крестьянству совершить этот поворот, ибо, товарищи, не забывайте, крестьянство—единственная база для нашей промышленности. Крестьянство, не покупающее предметов нашей промышленности, создает неизбежно крах национализированной промышленности. С другой стороны, социализм без крупной промышленности не существует. Отсюда ясно, что нити развития социализма приводят к платежеспособности и емкости крестьянского рынка.

Помощь сельскому хозяйству.

Государство должно помочь крестьянству наладить и повысить технический уровень его хозяйства, но наше государство бедно. Мы знаем, что сейчас каждая сотня рублей, вложенная в сельское хозяйство, дала бы через год, через два громадную обще-национальную прибыль. Нет более плодотворного для увеличения богатства страны дела, как вложить капиталы в землю, как снабдить крестьянина машинами, как дать ему лучшие семена, как дать ему оборотные средства. Это верно, но обстоятельства, которые задержи-

вают развитие мировой революции, делают нас бедными и заставляют на это величайшее дело отпускать сравнительно жалкие суммы.

Правительство ставит своей задачей организовать дешовый сельскохозяйственный кредит для крестьянина, организовать для этого специальный сельскохозяйственный банк. Мы полагаем, что в этот банк в качестве основного капитала можно положить 40 миллионов золотых рублей. Это та основа, вокруг которой должны будут нарастать новые и новые капиталы.

Правительство идет дальше: весь запас сельскохозяйственных машин, которые были произведены за последнее время и лежали на наших складах, мы решили немедленно пустить в крестьянскую среду по довоенным ценам и ниже довоенных, с длительной рассрочкой платежа.

Кроме того, как новый способ добиться тех же результатов, развязать хозяйскую энергию крестьянина, дать ему возможность больше приспособиться к рынку, повысить уровень последнего, мы решили в этом году окончательно покончить с натуральной частью налога и перейти на чистоденежный налог. Наконец, как завершение всех этих мер, которые необходимы, чтобы поднять нижнее лезвее ножниц, чтобы повысить ценность крестьянского труда, чтобы увеличить покупательную способность крестьянина, мы должны будем перейти к новым деньгам, мы должны будем крестьянству, так же, как и рабочим, дать эти новые деньги. Мы долго ездили на совзнаке, и он имеет много заслуг, но, видимо, дальше на этом „коньке“ не поедешь, пора ему и в отставку.

Я буду еще говорить о денежной реформе, сейчас же только ограничусь указанием, что денежная реформа нами рассматривается, как орудие увеличения благосостояния сельского хозяйства, как необходимое орудие поднятия этого самого нижнего лезвея ножниц.

Итак, открыть для крестьянского хлеба заграничный рынок, повысить технический уровень крестьянского хозяйства, снабдить крестьян при помощи дешового кредита оборотными средствами, снабдить его машинами, перейти на чистоденежный налог, дать крестьянину новые, твердые, хорошие деньги,—вот что должно будет сделать правительство. Все

это направлено к одной цели: крестьянство наше должно стать богаче. Поднятие крестьянского богатства, крестьянской силы в общих интересах и рабочих, и крестьян. Ведь, крестьянин—главный потребитель продуктов промышленности: чем больше потребляет он этих продуктов, тем шире будет развиваться наша промышленность; чем шире будет развиваться наша промышленность, тем сильней будет рабочий класс; но крестьянин в то же время поставщик сырья для промышленности: чем больше будут развиваться посевы льна, конопли, хлопка, тем больше сырья будет у нашей промышленности. Рабочие и крестьяне одинаково заинтересованы в подъеме нашего сельского хозяйства, и этот подъем будет ближайшей задачей нашего рабоче-крестьянского правительства.

Равняйся по крестьянской силе!

Я уже сказал, что наша тревога по поводу крестьянского рынка потому так велика, что крестьянский рынок есть единственная база нашей национализированной промышленности. Не на городском рынке построим мы нашу тяжелую промышленность,—он узок и мал,—не на заграница, ибо туда мы своих продуктов вывозить не будем, так как нам не выдержать конкуренции,—наша промышленность должна опереться на крестьянский рынок, научиться приспосабливаться к крестьянскому рынку.

Как вы видели по ценам, имеющимся на диаграмме, по этим ножницам, мы в области приспособления достигли еще небольших результатов. Здесь, несомненно, не ошибка. Это трудно назвать ошибкой, потому что она не есть результат каких-нибудь сознательных усилий. Стихийные обстоятельства сложились так, что дело приспособления промышленности, ее цен к крестьянскому рынку до сих пор проходило у нас плохо. Ничего не было неестественного в том, что промышленность наша развивалась, промышленность, которая упала до 10% довоенной, что эта промышленность, когда почувствовала некоторую возможность развиться,—что она вся целиком, налегла: восстанавливай! развивай! И мы все ее поддерживали. Все мы глядели с трепетом на каждую новую трубу, которая начинала дымить, на каждый новый

станок, который начинал двигаться. Но мы тут не соблюли темпа. Правило: „равняйся по крестьянской силе" не было у нас соблюдено. И что же у нас получилось? Получилось то,—и в этом, товарищи, трагичность, если можно так выразиться, этих самых ножниц,—что наша промышленность достигла только одной трети довоенной промышленности; только треть наших труб работает, дымит, только треть наших станков шумит, и эта вот одна треть нашей промышленности наткнулась на стену крестьянской бедности, вследствие которой крестьянство не может потребить продуктов промышленности. Мы при 36% довоенной промышленности наткнулись на то, что крестьянин сложил руки и говорит: не могу взять твоей продукции.

Выход — снижение цен.

Как же нам развертывать промышленность дальше? Может-быть, действительно, положение таково, как радуются наши враги, что выхода нет, что надо свертывать промышленность? Нет, мы думаем, есть другой выход. Этот другой выход говорит: производи дешевле, равняйся по крестьянской силе, снижай цены. Для нас лозунг и приказ—снижай цены—есть политический лозунг, который говорит промышленности, промышленным организациям, который всем нам напоминает: приспособляйся к деревне! Наша промышленность реализовала 3/10 своей продукции в деревне, а 7/10 в городе, который богаче, который больше платит. Мы говорим: неверно,—ты должен в своем производстве производить такие продукты, которые ближе найдут доступ к крестьянству. Но мало того, что ты должен производить такие продукты,—производи их дешевле. Тут перед нами встает вопрос: производить дешевле не значит ли производить в убыток? Можно иметь сбыт, но тогда надо работать ниже себестоимости, в убыток. А кто будет доплачивать? То же государство. А государство откуда берет? Да с того же крестьянина. Или же возникает другая дилемма: иметь высокие цены, а сбыта не иметь. Тоже нельзя. Поэтому единственный выход—снижать цены, рационализировать, улучшать элементы производства.

Вот посмотрите цены (диаграмма № 7), оптовые москов-

ские цены, начиная хотя бы с железа. Вот видите, как они ползут вверх, как затем, по нашему приказу, они начинают снижаться. Вот ситец, который, начиная с октября, резко и решительно начинает падать вниз; мы надеемся, что это падение цены на ситец будет продолжаться и дальше. Падает вниз приблизительно с того же времени и цена на уголь и чугун.

Вот вам сапоги, которые лезли вверх. Мы не добились того, чтобы их снизить, но, по крайней мере, за последние три месяца добились их стабилизации.

Вот сахар, который полз также вверх. Теперь мы добились его понижения и стабилизации.

Там наверху (на диаграмме) рожь. Вот это—единственный товар, который имеет право лезть вверх. Все остальные товары надо загнать вниз, и они начинают загоняться. Вот сталь, вот уголь, вот железо. (Аплодисменты). Мы, товарищи, должны будем, естественно, преодолеть некоторое сопротивление, некоторую традицию, так-сказать, автоматизм, но снижения цен мы добьемся.

Хотя я задержал вас очень (голоса с места: „Просим продолжать!"), но не могу не показать вам, тоже на конкретном примере, каков темп восстановления промышленности. Перед вами была диаграмма, которая показывала рост нашей нефтяной добычи. В один прекрасный, или, вернее, сказать, непрекрасный день, к правительству являются представители одной из многочисленных наших комиссий, люди, которым мы привыкли верить, люди, достойные всякого внимания, и говорят: цена пуда нефти была в прошлом году 24 копейки, теперь мы решили, что цена эта должна быть повышена до 34 коп., 10 копеек надбавьте. Дело было в ноябре. Мы тогда их спрашиваем: почему же 34 копейки? Что это заключает в себе? Они нам объяснили: 17 копеек—это себестоимость пуда нефти, а 17 копеек еще надо приплатить на капитальные восстановительные работы и расширение дела.

И тут перед нами встал вопрос: может ли наша бедная, разоренная страна, вот теперь, в 1923 году, когда мы только-только начинаем подниматься, на 17 копеек себестоимости нефти дать еще 17 копеек на восстановление и развитие нефтяной промышленности? Конечно, нам всем

хочется, чтобы эта промышленность получила громадный толчок вперед.

В этом году мы произвели 315 миллионов пудов,—на 50 миллионов пудов больше, чем в прошлом году. Давайте произведем еще на 50 миллионов пудов больше. Но для этого надо, чтобы население заплатило не только восстановительную цену, но еще добавило бы на темп восстановления 17 копеек. Мы вызвали товарищей коммунистов, которые стоят у самого источника, превосходных товарищей, людей, которым Республика обязана грандиозным развитием нашего нефтяного дела, товарищей, которые вложили свой ум и революционную энергию в дело хозяйственного строительства. Мы вызвали тов. Серебровского и тов. Кассиора и говорили им: по-вашему 34 копейки будет вам довольно? Маловато, надо бы прибавить. Почему? Естественная психология,—эти товарищи стоят на нефти. Они знают, что их задача: качай нефти, как можно больше, до довоенного уровня еще далеко. А, ведь, разве коммунист будет удовлетворен, если он довоенного уровня добьется? Ему нужно перешагнуть и за этот довоенный уровень, а до этого еще далеко.

Мы спрашиваем: ты всю нефть продал? Нет, говорит, запасец есть. Сколько? Миллион—два? Нет, десятками надо посчитать. Как же так? Ты думаешь увеличить цену и увеличить производство, а за это вся страна вместе должна будет тебе приплачивать на 17 копеек—17 копеек или же приплачивать на 20 копеек—14 копеек, или же на 24 копейки—10 коп. И это в то время, когда в области производства этой продукции обращение ее все еще не налажено,—продать-то ты дешево не умеешь. И мы решили. Нет, товарищи, вы—прекрасные работники в своем деле, но превращать эту отрасль промышленности в насос, который будет высасывать из народного хозяйства средства для того, чтобы его так быстро восстановить, нельзя. Мы им сказали: по 34 копейки продавать не позволим, продавайте по 25 копеек.

Товарищ Серебровский приехал на Съезд. Я его спрашиваю: „Как работаете?“—„Правильно,—говорит,—что не дали. Хорошо работаем и прибыль получаем“.

Вот, товарищи, эта история с нефтью показывает, как стре-

мление, вполне естественное и неизбежное,—как оно заставляет прекрасных товарищей совершать хозяйственные ошибки.

Из этого примера мы должны сделать один вывод: необходимо равнение по крестьянской силе, равнение по крестьянскому рынку: возможность продать товар, а не копить его на складах, есть обязательство для каждого хозяйственника и для всех нас, вместе взятых.

Ситец в июне месяце стоил 43 копейки (по 43 коп. его продавали на Нижегородской ярмарке), а когда завопили, что очень дорого, то в октябре Комвнуторг (комиссия по внутренней торговле) приказал продавать его (отпускная фабричная цена) по 27 копеек, на 16 копеек дешевле,—при этом полторы копеечки на аршин прибыли получается.

То же самое произошло и с керосином: летом цена одного пуда керосина в Москве доходила до 3-х рублей, теперь, согласно приказам, отданным правительством, отпускная цена пуда керосина в Москве доведена до 1 р. 92 коп. Только таким путем, только этой политикой мы действительно сможем завоевать рынок, расширить производство и обеспечить нашей промышленности дальнейшее развитие. Мы должны помнить, что из всей массы предметов потребления, произведенных промышленностью в 1913 году, деревня взяла 42%, и на складах оставалось 19%, а в 1923 году деревня взяла из всей нашей продукции того же рода только 23%, а на складах осталось 37%. Это гибельная политика, она не соответствует интересам крестьянства, и в то же время она никуда не годится даже с точки зрения самой промышленности. Те, кто при наших условиях вздутыми ценами думают достичь большей прибыли, глубоко ошибаются, — товар остается на складах, и вместо прибыли промышленность получает убыток.

Снижение цен, умение найти дорогу к крестьянину и крестьянскому рынку есть единственный способ укрепить смычку с крестьянином и развивать промышленность.

Найди дорогу к крестьянину.

Значит, вопрос стоит не так, что ради приспособления к крестьянскому рынку мы должны продавать себе в убыток, должны продавать ниже себестоимости. Если бы вопрос

стоял так, выхода бы не было. Вопрос стоит не так. Рынок может быть расширен. Крестьянский рынок, благодаря экспорту, благодаря кредиту, благодаря понижению цен, может быть расширен, и очень сильно расширен. Нужно только уметь к этому рынку проложить себе дорогу. Надо произвести, действительно, рационализацию всего производства, надо рассчитать темп восстановления промышленности на более долгие сроки, надо помнить, что говорил Владимир Ильич: может-быть, не так быстро пойдем, но зато пойдем так, что крестьянская масса не будет от нас отставать. И тогда, говорил он, когда мы первые шаги пройдем, не прорываясь вперед, не отрываясь от крестьянской массы, тогда сразу наступит такое ускорение всего движения в целом, ускорение к социализму, которое мы даже и не можем предположить.

Как это сделать? Товарищи, этого не сделает ни Совет Народных Комиссаров, ни Совет Труда и Обороны, ни директор, ни трестовик, ни синдикат. Это должна будет сделать вся рабочая масса. Сокращение накладных расходов, улучшение производства, а вместе с тем и понижение себестоимости требует энергии, напряжения, энтузиазма самих рабочих масс.

Навалившись всей силой, мы должны здесь, в области производства, добиться прямых и быстрейших результатов. Иначе трещит смычка с крестьянином, и в эту трещину лезет новая буржуазия.

Когда рабочая масса вся целиком поймет, когда она, в лице своих профсоюзов, ближе примкнет к производству и будет рассматривать каждую калькуляцию, каждую цену, каждый выпущенный продукт производства, как орудие завоевания доверия крестьян к рабочему государству, к рабочему хозяйству, тогда мы это дело сладим, тогда мы эту задачу решим.

Все мы должны как можно чаще вспоминать заветы Ильича. Он прост, понятен каждому рабочему и крестьянину и вместе с тем дает единственно правильный ответ на все наши больные вопросы.

„Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленней, чем мы мечтали, но зато так, что дей-

ствительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем. Это, по-моему, первый основной политический урок новой экономической политики.

Сомкнуться с крестьянской массой и вместе с ней в сто раз медленней, но зато твердо и неуклонно итти вперед, чтобы она всегда видела, что мы все-таки идем вперед; тогда наше дело будет абсолютно непобедимо и никакие силы в мире нас не победят".

Тяжелая индустрия.

Конечно, на крестьянском хозяйстве, на крестьянском рынке нельзя держать всей нашей промышленности. Тяжелую металлургию не поставишь на крестьянское потребление. Она работала для железных дорог, она работала для судостроения, на оборону. И поэтому мы должны будем все, что мы сможем сэкономить, уделять нашей тяжелой индустрии. Мы добились того, что нефть сама себя оплачивает, что нефть стала на твердые ноги. Мы добились того, что Донбасс стал на твердые ноги. Перед нами, в области промышленности, третья очередная задача—металлургия. Так же, как раньше, мы поддерживали уголь, как потом мы поддерживали нефть, теперь придется сосредоточить все наши свободные средства на поднятии металлургии. Для памяти укажу вам, что промышленность взяла у нас громадную долю всего нашего кредита, что из 515 миллионов всех кредитных средств, которые мы имели, 415 миллионов мы отдали на поддержание промышленности. И мы делали это сознательно, по той простой причине, что промышленность не только есть база для диктатуры пролетариата, но что только промышленность может закрепить тот общественный порядок, при котором крестьянство, действительно, будет освобождено от эксплоатации капитала. Поэтому, нет тех жертв, которые мы не должны были бы принести, которые мы остереглись бы принести промышленности. Но промышленность, с своей стороны, должна понять, что она не может стать насосом; она должна приспособиться к крестьянскому рынку; она должна найти дорогу к крестьянину. Эта дорога лежит через торговлю.

Торговля.

Буду очень краток. Тот, кто владеет торговлей, в данный момент командует на известных высотах. Тот, кто владеет и овладевает торговлей, тот распоряжается на рынке. Поэтому-то Владимир Ильич два года назад учил нас: „учитесь торговать". Странным показался этот лозунг многим и многим коммунистам. Как это—коммунист, советский работник, рабочий и крестьянин должен учиться торговать? А вот теперь, перед лицом этих „ножниц", мы видим: да, действительно, социализм строится сейчас через уменье торговать. Тот, кто проторгует, помогает нэпману; тот, кто не умеет торговать, пролагает дорогу буржуазии. Этот кризис показал, что мы торгуем скверно, что мы не научились делать того, чему учил нас Владимир Ильич. Не надо приходить в панику от того, что частный капитал заработал 200—300 миллионов. Частный капитал, к счастью, охватил у нас покуда только розничную торговлю, распыленную. Крестьянство в деревне обслуживает не госпромышленность, не кооперация, а частный капитал,—поэтому он распылен и лежит мелкими ядрышками. В самом деле, перепись 1923 г. в городе и поселках городского типа говорит следующее: оптовая торговля находилась в руках государства на 77%, в руках кооперации на 8% и в частных руках на 14%, а розничная—в руках государства на 7%, в руках кооперации на 10% и в частных руках на 83%. Значит, государство и кооперация держат в своих руках громаднейшую долю всей оптовой торговли, но зато мелкая, розничная, обслуживающая деревню, находится в частных руках. Из всего оборота частной торговли 80% сосредоточено было в торговле мелочной и в торговле в розницу. Это само по себе еще не представляет ни экономической, ни политической опасности. Но мы должны видеть угрозу: этот частный капитал, распыленный по всей деревне, будет собираться один к одному; из мелкого капитала будет составляться крупный капитал, если мы здесь не примем своих мер, если мы не пойдем наперерез.

Кооперация.

Каким образом итти наперерез? Кооперацией и государственной торговлей. И вот для того, чтобы сказать вам кратко и ясно, как обстоит дело с кооперацией, я из превосходного исследования, сделанного тов. Дейчманом, под редакцией тов. Микояна в Югвосте, которое есть худший обвинительный акт против нашего советского и коммунистического неумения торговать, выбрал эту таблицу (диаграмма № 8). Она проста. Здесь представлено движение спички от фабрики до крестьянина. Вот спичка вышла из фабрики. Вот рабочий смотрит, куда она пойдет. Стоит она 100. Проходит она через трест, затем едет в синдикат. Выходя из синдиката она уже стоит 195. Она въезжает в Центросоюз, оттуда выходит и стоит 207. Затем, так как тт. Дейчман и Микоян обследовали Юго-Восточный край, у них есть там Ростовское отделение Центросоюза,—оттуда она выходит и стоит уже 215, потом она идет в Донсоюз—все по порядку—и стоит уже 313, затем в Миллеровское отделение—407, наконец, в Чертковский пункт—455 и, наконец, в ЕПО в деревню, и тут крестьянин получил эту спичку за 5-7. Это—товарищи, дорога не к социализму (смех), это дорога от социализма. Если где-нибудь какой-нибудь ловкий нэпман поймает эту коробку спичек на одном этапе или на другом этапе, ведь, он заработает еще 100% и продаст крестьянину дешевле. И за что же крестьянин этот будет уважать того трестовика, того синдикатчика, того кооператора, который ему таким путем продает? И как вы объясните ему о союзе рабочих и крестьян? Вот поэтому эта картина—не экономическая картина только, а политическая картина. Она говорит нам, что если таким образом будет двигаться наша торговля и наша кооперация, то мы не сделаем того дела, ради которого взяли власть, так быстро, как нам этого хотелось. Нам надо сосредоточить все внимание на этом обстоятельстве. Заметьте, ведь, тут эта спичка двигалась только в кооперативном кругу, ведь, тут нет ни одного частного посредника, нет перекупщика, нет ни одного взяточника,—она шла по всем кооперативным инстанциям.

Эти инстанции надо разбить, если они только для того годятся, чтобы то, что сделал рабочий, и что стоит 100, продать крестьянину за 527. Тут надо действительно принять самые решительные меры.

Мы запоздали. Мы скверно торгуем. Мы запоздали тем, что кооперацию давно нужно было перевести на добровольные начала. Надо было чистить кооперацию так, чтобы она сокращала свои звенья, чтобы кредит предоставлялся не Центросоюзу, а местным организациям, и чтобы этим местным организациям предоставлено было право свободно торговать с трестами и фабриками, а не только через главкистскую верхушку Центросоюза. (Аплодисменты).

Мы должны и в этой области сделать то, что сделано других областях. Главкизм в кооперации нужно уничтожить. Для всей нашей торговли, для нашей кооперации законом должно стать следующее правило: снижай цены, продавай дешевле, борись со всеми накладными расходами, ищи и находи дорогу к крестьянину, докажи ему на деле, на каждой покупке, что для крестьянина выгодней, что фабрики и заводы находятся в руках трудящихся, чем если бы они находились в руках частного капитала.

Следующая мера, которая может быть направлена против всякого роста частного капитала, это регулирование цен оптовых и нормирование розничных цен. Мы встали на этот путь в отношении сахара, керосина и соли, где у нас есть известный запас. Там, где мы можем учредить надзор, мы переходим к нормированию цен, к твердым ценам, по которым продукт должен попадать крестьянину.

Я не буду больше останавливаться на вопросах торговли; думаю, что вы понимаете, какое громадное значение имеет торговля, как смычка между рабочим и крестьянином, и какие громадные задачи стоят перед нами в этой области. Мы должны помнить завет Ильича: учитесь торговать. Ибо через торговлю, как это ни странно, как ни странен этот поворот исторического пути, создаются элементы социализма. А через торговое растяпство создаются элементы буржуазного капитала.

Деньги.

Но для того, чтобы правильно развивалось народное хозяйство в наших условиях, чтобы рос и правильно совершался товарообмен между городом и деревней, чтобы росло доверие крестьян к рабочим, нам необходимо обратить серьезнейшее внимание еще на один наш инструмент—на наши деньги. Тут перед нами были величайшие трудности, и мы стоим в этой области накануне реформы, которую если мы проведем, мы совершим еще одно дополнительное чудо к тем другим чудесам, которые показали рабочие и крестьяне Союза Социалистических Республик.

Объем нашего денежного обращения в данный момент— 366 миллионов червонных рублей. Вот эта верхняя линия (диаграмма № 9). Видите, в январе 1922 г. объем нашей денежной массы, общее количество денег в стране было гораздо меньше. Мы начали с узкого и все время дальше расширялись. Общий объем денежной массы у нас увеличивается,—это есть признак общего роста благосостояния страны. В стране стало больше товаров, товары стали больше обращаться, между городом и деревней завязывается оборот, денег требуется больше, поэтому мы в течение одного года могли увеличить в три раза денежное обращение. Но страна требует не только денег,—она требует хороших денег. Хорошие деньги отмечены штрихами, а плохие—сплошной черной краской. Хороших денег в январе прошлого года у нас было вот сколько (показывает по диаграмме). (Смех). А теперь вот сколько хороших денег,—их значительно больше (по диаграмме). А вот это—остаток 16% плоховатых советских знаков, все же остальное переведено в твердые червонцы.

Мы имеем на 366 миллионов общей суммы денежного обращения 300 миллионов твердых червонцев и только 50 миллионов советскими знаками. Завоевание червонца есть живое опровержение того, что будто рабочие и крестьяне, которые не проходили никаких университетов и не учились финансовой науке, не могут поставить правильно своего хозяйства. Вся буржуазная Европа толковала: ну, да, рабочие и крестьяне умеют сражаться, свергать троны, занимать банки.

Но вести финансовую политику—куда же им. А теперь мы видим такую картину, что при падении франка, при катастрофе марки при общем нарушении всех валют, у нас в Союзе ССР введено в обращение на 300 миллионов рублей твердой валюты, а те банкиры, те правительства, которые нас не признают де-юре, очень хорошо признают бумажку, на которой написано: сие считать за 10 рублей, и подписано: Сокольников. (Аплодисменты).

Мы должны дать рабочему и крестьянину твердые деньги.

Как вы видите, мы жили двумя валютами. Вот эта черная краска (на диаграмме) показывает валюту советского знака, заштрихованная—червонца. Видите, как вся масса расширяется, как все большее место занимает червонец. Четыре пятых уже отвердело, одна пятая еще в советском знаке. Эти две валюты дальше становятся политически и экономически уже невыносимы. Советский знак ныне орудие размена червонца. Но кто теряет на советском знаке? Больше всего рабочие и крестьяне, особенно крестьяне, которые не научились еще пользоваться сберегательной кассой, которая страхует советский знак, заработную плату рабочего. Существование советского знака дает возможность поднимать цены. Окончание денежной реформы, переход на твердую валюту,—вот та задача, которую ставит перед собой правительство. Эта задача заключается в том, чтобы рядом продуманных и систематических мер ту одну пятую часть денежного обращения, которая осталась еще в форме падающего знака, заменить твердым казначейским рублем: один, три, пять рублей, и дополнительно к нему выпустить серебряную монету. Я сказал, что если нам в течение не недель, а месяцев удастся провести эту реформу и завершить ее,—создать твердые деньги, это будет чудом, достойным новых строителей нового социалистического общества. Вся Европа, которая бьется над валютным кризисом, должна будет признать экономику страны здоровой, если она могла достигнуть тех результатов, которых мы достигли за этот год, если она создаст твердую валюту. Твердая валюта, твердые деньги освободят крестьянина от потерь, освободят его от допол-

нительного налога, который он платит, продавая хлеб на падающий совзнак. Новые деньги освободят и рабочего от потери на курсе; новые деньги поставят на здоровую основу все народное хозяйство и весь обмен между городом и деревней, они дадут твердую мерку для всех хозяйственных расчетов, как отдельного крестьянина или рабочего, так и всего государства в целом. С твердыми деньгами в руках мы двинемся вперед с гораздо большей быстротой, чем до сих пор, но создание твердых денег—это не дело простого декрета, простого распоряжения.

Бюджет.

Почему этот переход может быть заторможен, с какими опасностями мы должны считаться? Основная опасность—дефицитность нашего бюджета. Это—последнее, что я имею вам здесь сказать. Бюджет наш мы сводим с максимумом экономии, которая нам предписана всем положением страны. Вы сами все великолепно знаете на своем опыте, как мы вынуждены резать все потребности. И вот, несмотря на сведение к минимуму наших потребностей, мы все же должны израсходовать в этом году миллиард сто миллионов. Это, товарищи, одна треть того, что расходовало правительство России до войны. Сюда не входят железные дороги и Наркомпочтель, потому что они тратят то, что получают с некоторой дотацией. Мы должны израсходовать 1.100.000. Откуда мы должны их взять? Из 1.100.000, которые израсходовало наше государство в прошлом году, 460 миллионов мы покрыли эмиссией совзнака. Мы не скрываем этого,—об этом писалось, об этом говорилось. Это форма налога, тяжелая форма налога, на которую нам надо было пойти, чтобы вырваться из той экономической разрухи, которая была. Вот почему мы должны быть благодарны советскому знаку, вот почему, когда он уйдет на покой, ему надо будет поставить памятник. Но экономическая разруха проходит. Мы становимся на правильный путь. Силы страны растут. И в этот момент общего роста благосостояния страны мы должны итти на сокращение эмиссии. Оздоровление нашего бюджета заключается в том, что, если в прошлом году 460 миллионов мы получили при помощи налога, который мы условились

называть эмиссией, то в этом году мы хотим прекратить эмиссию. Благодаря выпуску бумажных твердых денег и выпуску серебряной монеты мы хотим получить те 180 миллионов, которые нужны нам для покрытия бюджетного дефицита.

Я уже сказал, что мы собираемся в этом году, сжавши все потребности свои, сжавши и зубы, и кулаки, израсходовать и на оборону страны, и на культурные потребности, и на промышленность, и на сельское хозяйство 1 миллиард 100 миллионов. Из них 250 миллионов идет на помощь промышленности и крестьянскому хозяйству. Откуда мы возьмем эти деньги? Мы не должны итти на увеличение налогов на трудовое население, поэтому мы должны получить прямыми налогами не больше, чем взяли в прошлом году, приблизительно 250 миллионов. Косвенными налогами мы получили 250 миллионов. Государственное имущество: фабрики, заводы, предприятия, наши банки дадут нам еще 250 миллионов. Таким образом, на покрытие самых необходимых наших нужд мы получим 750 миллионов. Нам придется присчитать сюда еще 180 миллионов, которые получатся благодаря тому, что мы выпустим твердые деньги и серебро. Это все вместе составит 900 миллионов. На 200 миллионов придется прибегнуть к кредитной операции.

Таким образом, бюджет следующего года основан на сокращении эмиссионого налога и отказе правительства от повышения каких-либо налогов на трудовые слои населения. Вот, товарищи, общие итоги, к которым мы подошли в нашей работе по бюджету.

Итоги года.

Вы имеете право спросить, как же мы характеризуем теперь наше общее положение, на что ушел этот год? Я, подводя итоги, сказал бы, что в этом году мы укрепляли свои крепости—те командные высоты, которые мы оставили за собой, открыв дорогу нэп'у. И мы эти основные крепости нового социалистического порядка укрепили. Мы укрепили промышленность и на этой базе собрали вновь мощную силу пролетариата. Мы научились пользоваться, как орудием восстановления хозяйства, заграничным рынком для крестьян-

ского хлеба. Мы впервые в Союзе ССР создали, как орудие хозяйственного возрождения, кредит. Мы подошли к окончательному укреплению нашего денежного обращения. Мы занялись усиленной работой над улучшением нашего торгового аппарата и нашего аппарата кооперации, Наконец, в области плановой работы мы достигли целого ряда реальных планов.

Я рекомендовал бы всем товарищам обратить серьезное внимание на розданный вам краткий отчет Госплана, который показывает, как в практической работе изо дня в день, не увлекаясь бюрократическими планами всеобщего планирования, а создавая основы и предпосылки для этого планирования, мы продвигаемся вперед в области плановой работы. В этом отчете Госплана вы найдете указание на то, как подвигался вперед Госплан. Уже в конце ноября можно подвергнуть первому обсуждению перспективный план по всем отраслям промышленности на грядущее пятилетие. Также на странице 26 вы найдете таблицу, которая покажет вам, что за 1923 год по 13-ти отраслям промышленности получилось 100% выполнение наших плановых предположений. Наконец, там же вы найдете указание, что наши бюджетные сметы дошли уже в своей реальности до 80—86% выполнения, т.-е. почти к нормальному уровню соответствия планов и практического их выполнения. Если вы вспомните, каким пустяком оказывался всяческий бюджетный план еще год назад, то вы поймете, какой большой шаг сделан нами и в этом отношении. Создав твердую валюту, организовав кредит, накопив некоторый материальный фонд, которым мы можем маневрировать, обладая реальным отдельным планом по отдельным отраслям хозяйства и добившись, наконец, более или менее твердых бюджетных планов, мы получили необходимые предпосылки для выработки общих планов народного хозяйства, для усиления работ, увязки отдельных частей народного хозяйства.

В наступление!

И теперь, имея эти крепости в своих руках, осмотревшись в них, укрепив их, отремонтировав их, научившись пользоваться плановыми методами работы, мы можем смело ска-

зать, что за этот год в промышленности, экспорте, в денежной системе, транспорте и т. д. созданы основные предпосылки для планомерного, систематического изо дня в день ведущегося наступления рабоче-крестьянского союза против стихии капитализма, для укрепления начал социализма. Мы смело можем смотреть вперед. Общее благосостояние страны растет, политическая и экономическая мощь нашего Союза увеличивается. На почве роста общего благосостояния выросла и укрепилась роль национализированной промышленности, собирается, крепнет, консолидируется рабочий класс, растет и крепнет союз его с крестьянством. Строительство наше приобретает более планомерный характер. Мы не сдали частному капиталу ни одной мало-мальски важной для нас позиции. В незыблемости власти рабочих и крестьян теперь уже не сомневается никто. Мы научились владеть новыми орудиями строительства и во всех областях двинулись вперед. Еще 2—3 года, и то указание движения к социализму, о котором мечтал Ленин, будет актом, который поразит весь остальной мир. Мы работали все вместе, всею массою рабочих и крестьян для той задачи, которую поставил Ильич для постройки социализма. Мы работали для этой цели тем способом, на который указал Ильич,—расширением и накоплением Союза рабочих и крестьян. Так же мы будем работать и дальше. Камень за камнем мы будем класть фундамент нового общества.

Цель наша велика, метод правилен, достижения налицо. У нас были ошибки, ошибки в этом трудном деле неизбежны, общим коллективным разумом мы их будем исправлять, но с каждым днем мы убеждаемся, что недалек тот день, когда мы покажем всему человечеству, что рабочие и крестьяне нашего великого Союза не только умели разрушать старый мир, но умеют своей энергией, революционным энтузиазмом, беззаветной преданностью делу строить новый мир братства и равенства, мир социализма. (Продолжительные аплодисменты).

Заключительное слово.

Товарищи, правительство чрезвычайно радо, что одна из самых важных отраслей его руководства—руководство международной политикой—на нашем Съезде не вызвала ни сомнений, ни колебаний. Пусть, действительно, все те державы, с которыми нам придется иметь дело, будут твердо уверены, что международная политика Советского правительства отражает не только интересы, но и сознательную волю и разум всех делегатов нашего Съезда.

Наша национальная политика.

Наше правительство с большим вниманием отнесется к тем заявлениям, которые здесь были сделаны представителем Украинской Советской Социалистической Республики, тов. Скрыпником, относительно угнетения родственных нам масс в соседних с нами государствах. Не только та язва, о которой говорил тов. Скрыпник, у нас болит на нашей западной границе. Нет. Мы, ведь, знаем и другое обстоятельство,—мы знаем, что до сих пор чисто-захватническим путем от нашего Союза оторвана громадная область—Бессарабия, над трудящимися которой румынские бояре позволяют себе форменные издевательства. Мы сейчас можем сказать только одно, мы знаем эти факты, мы слышим эти стоны, мы с этим считаемся и будем считаться.

Товарищи, вопрос об обеспечении прав всех национальностей, входящих в наш Союз, является не таким вопросом, который может быть решен одним декретом или одним постановлением. Мы получили в наследство массу предрассудков, массу некультурности, такую традицию угнетения, шовинизма, национализма, которые воспитывались в царской России не годами, не десятилетиями, а столетиями. Вы знаете, что натравливание одной нации на другую, натаскивание всего правительственного аппарата против всех наций, которые царскому правительству казались ниже стоящими,—эта традиция глубока, она—в нервах, в теле, в уме осталась, и эти традиции нельзя вырвать только одним постановле-

нием, никакой формальной конституцией. Мы должны напрягать все свои силы, чтобы выкорчевать до основания это проклятое наследство национальной розни, национальных предрассудков, национального презрения и национального неравенства. Мы в продолжение 6-ти лет, по указанию Владимира Ильича, ни на минуту не упускали из виду эту громаднейшую задачу. Мы отнюдь не можем сказать, что она уже решена. Из месяца в месяц мы предпринимаем для этого новые шаги.

Одним из важнейших шагов последнего времени является предрешенное уже в порядке Союзного правительства значительное укрупнение Белорусской Советской Социалистической Республики. В два с половиной раза увеличивается территория этой республики, и делается это во имя того, чтобы те уезды и части губерний, которые были расположены вокруг этой республики, но в которых большинство населения принадлежало белоруссам, получили возможность организоваться в свою Белорусскую Советскую Социалистическую Республику. Я указываю на этот пример только для того, чтобы показать, что дело обеспечения национальных прав, дело урегулирования национального вопроса в жизни, на практике, на деле, в нравах еще стоит перед нами. Мы, несомненно, стоим на правильной дороге, но должны будем долго и долго работать над тем, чтобы до конца выжечь из нашего сознания, из нашего быта, из нашей практики все остатки национального недоверия и национального угнетения.

Мы знаем, что одним из огромнейших препятствий к этому является наш государственный аппарат. Прав был тов. Элиава, когда указал на это обстоятельство. Приспособление нашего аппарата к новому порядку национального устройства, как Союза равноправных республик, который мы создали,—громаднейшая задача.

Мы помним, как характеризовал Ильич наш аппарат. Мы знаем, что до сих пор этот советский аппарат отнюдь не всегда является инструментом диктатуры пролетариата. Он не является еще орудием правильного проведения той политики, которую мы намечаем. В этой области мы можем принять только две меры: во-первых, мы можем провести постепенную замену оставшегося нам в наследство аппарата

новым человеческим составом, вырабатывающимся и выдвигающимся снизу,—рабочими и крестьянами. В этих целях Союзное правительство обратило особое внимание на постановку дела подготовки красных спецов во всех отраслях. За последний год мы развернули очень широко сеть школ, средних и высших, которые должны нам дать нашего молодого советского деятеля, советского чиновника. Только тогда, когда этот новый состав придет на место старого, спецовского состава, оставшегося нам в наследство, только тогда слово „советский чиновник" потеряет тот неприятный привкус, который оно имеет до сих пор, и станет достойным званием. Эта подготовка рабоче-крестьянской молодежи для замены аппарата, для того, чтобы старый неприспособленный аппарат превратить в действительное орудие нашего нового государства,—это одна наша работа.

Другая заключается в том, чтобы установить над нашим аппаратом строжайший и решительнейший контроль. Мы должны идею орабочивания аппарата, идею постоянного надзора за аппаратом, идею, которая положена в основу создания новой рабоче-крестьянской инспекции, по мысли Ильича, иметь у себя перед глазами. Мы можем уверить вас только в одном: мы работаем над этой задачей. Это не такая, оказывается, легкая задача.

Аппарат, который мы имеем, охватывает до миллиона человек. В этом аппарате, несомненно, гнездится противодействие, психологическое сопротивление той новой постройке нашего государства, которая базируется на Союзе равноправных республик. Дело ваше, товарищи, дело власти на местах, дело руководителей национальной жизни этих республик—смотреть за тем, чтобы аппарат не вносил в нашу работу старых привычек, старого, неправильного представления о государстве. Вы снизу должны сигнализировать нам о всех опасностях, которые тут могут встретиться.

Да, мы знаем, что централизованное управление железными дорогами, централизованная связь, централизованное управление хозяйством, централизованная армия наша может быть проводником политики, недостойной равноправного Союза, и поэтому борьба с этим извращением национальной политики должна вестись и снизу, и сверху. Остатки этой старой психологии будут еще сказываться.

Всем нам надо переучиваться. Помните слова Маркса, что создание социалистического государства требует не только низвержения буржуазии, но и перевоспитания той массы, которая готовит этот новый социалистический строй. Необходимо перевоспитание сверху донизу, перевоспитание всей массы. Перевоспитываться должны и те, которые поставлены для руководства.

Оборона Союза.

Теперь перехожу к вопросу, который был поставлен не в речах, а в записках—о нашей обороноспособности. Позвольте быть здесь чрезвычайно кратким, по понятным вам причинам. Вопрос об обороноспособности не сходил с нашего порядка дня. Мы должны были помнить и помнили и майский ультиматум Керзона, и убийство светлой памяти тов. Воровского, и угрозы, которые стояли перед нашими дверьми в октябре и ноябре, и вы не можете сомневаться в том, что все эти факты толкали наше внимание к повышению обороноспособности страны. Внимательный анализ нашего бюджета покажет вам, что, несмотря на всю нашу бедность, мы уделяли Красной армии, защитнице наших границ, защитнице достояния наших народов, защитнице завоеваний Октябрьской революции, все то внимание, которое она может от нас потребовать. И я могу вам сказать, что в смысле материального положения в Красной армии замечается несомненное улучшение; несомненно, будут предприняты шаги и к дальнейшему улучшению. Позвольте ограничиться на этом собрании только этими заявлениями.

Безработица.

Перехожу к следующему вопросу, поставленному в прениях,—к вопросу о безработице. Да, товарищи, безработица замечается у нас, в нашем Союзе. Но мы должны принять во внимание, что рядом с этим фактом есть другой, на который я указал в своем докладе: непрерывный, из года в год идущий рост количества пролетариата. Я вам указал, что за последний отчетный год количество пролетариата, занятого только в государственной промышленности, увеличилось на двести тысяч человек. Я могу вам привести такой простой,

но чрезвычайно характерный, чрезвычайно важный факт: в Питере за один год количество только одних металлистов увеличилось вдвое. К тем 30 тысячам металлистов, которые работали в Питере в прошлом году, прибавилось еще столько же, еще тридцать тысяч металлистов. Это накопление, это собирание пролетариата, обратное тому, что нами замечалось в последние годы, есть, несомненно, крупнейший экономический и политический факт. Но это накопление пролетариата, это увеличение занятых в промышленности пролетариев не поспевает за ростом безработицы.

В настоящее время занято в промышленности 60% всего того количества пролетариата, которое было занято в промышленности в России до войны.

Я указал в своем докладе, что работает только одна треть наших станков, дымит только одна треть наших труб. При этих условиях некоторый резерв безработных для нас неизбежен. Выход тут только один—дальнейшее развитие промышленности, дальнейшее поднятие производительных сил, подъем от $^1/_3$, которой мы сейчас добились, к $^1/_2$ и дальше.

Мы должны принять во внимание, не поддаваясь панике и то, из какого слоя состоит та безработная масса, которую мы имеем. В ней есть, конечно, известное количество квалифицированных рабочих, но в ней есть и большая доля того советского чиновничества, над сокращением которого мы работаем. Ведь, вы нам дали приказ—и этот приказ мы считаем своим долгом исполнять,—что необходимо сокращать советский аппарат. А сокращение советского аппарата есть создание безработицы среди советского чиновничества. Но нельзя же смешивать в этой общей массе того безработного пролетария, которого мы должны впитать обратно, появление которого есть свидетельство болезни, с той советской барышней, безработица которой есть результат оздоровления советского аппарата. И, наконец, мы имеем большой прилив из деревни в города нового слоя, выталкиваемого оттуда низкими ценами на хлеб, недостаточной емкостью нашего сельского хозяйства. Он появляется на рынках нашего труда, и рассасывание этого слоя будет результатом подъема нашего сельского хозяйства, которое, получивши кредит, развивая экспорт, поднимая технический уровень своего хозяйства, смо-

жет впитать в себя целую группу тех безработных, которые теперь из голодной деревни, не имеющей правильных цен на хлеб, выталкиваются на городской рынок. Так обстоит вопрос с безработицей. Мы должны прямо сказать, что сразу прекратить, с сегодня на завтра, эту болезнь мы не можем; это работа длительная. На данный момент мы имеем другую обязанность—поддержать тот квалифицированный рабочий состав, который временно, мы надеемся, кратковременно, выброшен в данный момент на рынок безработицы. Мы делаем тут все, что возможно.

Я не буду затруднять вас цифрами, но прошу помнить только одно: мы за последнее время подняли ту ставку, которая дается безработным; но мы—бедное рабоче-крестьянское государство, мы не располагаем достаточными средствами на самые необходимые для нас мероприятия и, между прочим, не располагаем достаточными средствами для той помощи безработному составу рабочего класса, которая была бы необходима.

Заработная плата.

Что же происходит в той среде рабочего класса, который стоит у станка? Вопрос касается заработной платы. Заработная плата неизменно в течение этого года поднималась. Заработная плата в некоторых местах, как, например, в Москве, по отчетам Московского совета профессиональных союзов, достигла 79,9% довоенной заработной платы, в среднем. Мы, отнюдь, не считаем, что та заработная плата, даже возвышенная в течение года, которую сейчас получает рабочий класс, удовлетворительна или покрывает минимум его потребности. Нет, мы не обманываем ни себя, ни рабочий класс. Мы знаем, что дело оплаты рабочего труда полностью, оплаты, которая покрывала бы все его возросшие материальные и культурные потребности,—дело будущего, над которым мы должны работать. Но мы констатируем процесс возрастания, и мы считаем, что на нас лежит обязанность—уплачивать эту недостаточную плату не так, как мы были вынуждены уплачивать ее в прошлые периоды. Своевременность выплаты заработной платы и не суррогатами, не займами, не теми купюрами, которые фактически понижают заработную

плату, а выплаты ее полностью и своевременно—есть ближайшая наша задача. Вы понимаете хорошо, что те меры, которые были приняты: введение в заработную плату суррогатов, займов, больших купюр, и несвоевременность выплаты объясняются не отсутствием доброй воли у правительства или у хозяйственников, а тяжелыми хозяйственными затруднениями.

Теперь, когда вы из моего доклада, надеюсь, убедились, что тяжелые моменты, которые мы переживали, оставлены нами позади, что промышленность наша находится на подъеме, и что перед ней расчищен путь планомерного, постепенного поднятия, мы можем покончить с этими методами выплаты заработной платы. И мы с ними покончим. Своевременность выплаты заработной платы, уплата ее в срок является для нас, для правительства, и по нашему приказу для всех хозяйственников, первой обязанностью. Мы надеемся, что в ближайшие недели или в ближайшие месяцы докажем рабочим у станка, что такую директиву мы сможем выполнить.

Изъятие из заработной платы всех суррогатов, платеж чистыми деньгами уже проведено нами, поскольку с 1-го января запрещена какая бы то ни была уплата какой бы то ни было части заработной платы купюрами или облигациями золотого займа. Окончательное решение этого вопроса связано с окончанием денежной реформы. Мы знаем, что она необходима для того, чтобы рабочий получал полную заработную плату, чтобы он в самой форме выдачи этой заработной платы не имел понижения оплаты своего труда. Мы знаем, что должны платить не советскими бумажками, которые, ежели они переночуют в рабочей квартире, то на следующее утро стоят меньше, и хозяйка—жена рабочего—за них на базаре меньше купит, чем в тот день, когда муж эту заработную плату получил. Интересы реального повышения заработной платы, как и интересы крестьянские, требуют от нас скорейшего завершения денежной реформы для того, чтобы мы могли платить крестьянину за хлеб, за его продукты, рабочему за его труд твердой деньгой, новым денежным знаком, который при наших усилиях не будет падать.

Еще одно замечание по поводу заработной платы. Рабочий

и служащий являются одними из главнейших потребителей и нашей промышленности, и нашего сельского хозяйства. Подъем благосостояния рабочих масс, в результате повышения заработной платы, расширяет рынок для нашей промышленности. Таким образом, курс на рост заработной платы вполне совпадает с общей линией нашей политики как в рабочем вопросе, так и в вопросе по увеличению и укреплению элементов социализма в нашем хозяйстве.

Рабочий глаз.

Теперь я обращаюсь к чрезвычайно знаменательной речи тов. Терентьева. Я думаю, мы все, здесь присутствующие, с громаднейшим вниманием и интересом слушали его речь, и, думаю, весь Союз ССР с таким же интересом будет читать ее. Я указал на те затруднения, которые мы имели в этом году, и которые перед нами еще станут. Мы—борцы и должны знать, что нам затруднения придется еще преодолевать. Мы не должны закрывать глаза на это. Один из самых решительных способов преодолеть эти затруднения заключается, как я выразился в докладе, в том, чтобы вся рабочая масса навалилась всей своей силой на те задачи, которые перед нами стоят, чтобы она увеличила свой контроль над теми хозяйственными процессами, которые происходят в нашей стране.

Мы отдаем приказ, мы проводим политику снижения цен. Но разве, действительно, эту политику можно будет провести, если тысячи и сотни тысяч товарищей Терентьевых у себя на фабриках, на местах, в наших кооперациях, в нашей государственной торговле не будут понимать, что это—их собственная задача, что они должны взять это дело в свои собственные руки? Один советский аппарат приказом сверху этих задач улучшения производства, удешевления товаров, облегчения товарооборота, смычки практической, деловой между рабочим и крестьянином, сверху, без участия товарищей Терентьевых в массе, без приложения их миллионов сил,—один советский аппарат своими силами этой задачи не выполнит. Вот почему я говорю, что та строгость, то внимательное отношение и к тому, что мы вывозим за границу, и к тому, как мы ввозим, какие прибыли мы получаем,

нельзя ли это сделать как-нибудь иначе, то внимание, которое здесь перед нами показал тов. Терентьев, служит для меня лучшим признаком того, что то очередное хозяйственное дело, которое перед нами стоит, будет всеми нами, товарищами Терентьевыми, в массе их, разрешено.

Наше хозяйство и заграничный рынок.

Это не исключает, впрочем, и того, что тов. Терентьев сделал несколько практических ошибок, которые я считаю своим долгом разъяснить. Он поставил чрезвычайно важный вопрос, который, в общем, можно формулировать так: можем ли мы обойтись без заграничного рынка? Зачем, говорил тов. Терентьев, вывозить нам хлеб за границу, разве у нас нет голодных? Зачем вывозить уголь за границу, разве мы не можем раздать его рабочим, часто еще холодающим? Зачем вывозить керосин за границу, не лучше ли его отдать крестьянам? Да, товарищи. Если бы, действительно мы могли существовать и поднимать наше хозяйство вне мирового рынка, вне связи с мировым хозяйством, программа, которую высказал тов. Терентьев, была бы хороша. Но это для нас в данный момент недостижимо. Да, мы находимся в таком положении, что должны и хлеб, и уголь, и керосин вывозить за границу. Я скажу более того,—чем больше мы будем вывозить за границу этих продуктов, оставляя, конечно, себе все то, что нам необходимо, тем быстрее пойдет у нас дело восстановления промышленности и нашего сельского хозяйства.

Мы оказались в данный момент перед таким явлением, что у нас 70 миллионов пудов угля в Донецком бассейне, которые не могут быть размещены на внутреннем рынке. Эти 70 миллионов пудов давят мертвым грузом на производство Донецкого бассейна. Для того, чтобы нам развивать Донецкий бассейн, нам надо реализовать эти 70 миллионов, и, увы, тов. Терентьев, не в кредит, не в длительный кредит, потому что рабочему-шахтеру надо заработную плату платить из месяца в месяц, каждые 1-е и 15-е число. Эти деньги надо иметь, и их откуда-нибудь надо получать. Когда мы имеем эти 70 миллионов пудов угля, то для того, чтобы обеспечить дальнейшее развитие Донбасса, для того,

чтобы платить в Донецком бассейне во-время заработную плату,—а тов. Терентьев—харьковец, и знает, как знаем и мы, к чему приводила в Донецком бассейне несвоевременная выплата заработной платы,—для этого нам надо не в кредит, а поскорее на чистые денежки реализовать эти запасы.

Вопрос может быть поставлен таким образом: а не продаем ли мы за границу то, что нам самим абсолютно необходимо? Нет, товарищи, этого мы не делаем. Мы имеем в данный момент 3 миллиарда пудов хлеба. Из этой цифры мы определили вывезти за границу 250 миллионов пудов—только всего. Это значит—одну двенадцатую часть общего количества.

Пусть вспомнят товарищи, обеспокоенные нашей политикой вывоза, что до войны наше сельское хозяйство вывозило около 1 миллиарда пудов хлеба за границу, и на этом получало около 1 миллиона рублей золотом, что наша нефть шла за границу, и что мы в этом году имеем вывоз наших нефтяных продуктов всего только на 20 миллионов рублей золотом, в то время, как наша нефтяная продукция может быть повышена до того, что мы можем из-за границы получать сотни миллионов рублей. Значит, задача не в том, чтобы отгородиться от заграничного рынка китайской стеной, чтобы прекратить туда вывоз. Нет, мы вывозим излишек. По мере того, как будет подниматься наше народное хозяйство, нам потребуется больше хлеба для себя, потому что возрастет пролетарское население, возрастут города; потребуется больше керосина, потому что крестьянский рынок поднимется, и крестьянин не захочет освещаться лучиной. Нам потребуется больше нефти, больше угля для возрастающей промышленности. Но вывозить мы все же будем.

Почему мы вывозим?

Куда мы направляем те доходы, которые получаются от заграничного вывоза? Я должен сказать, прежде всего, что этот доход очень мал. Я вчера вам показывал диаграмму, которая ясно характеризует, что мы только-только добились того, чтобы наш вывоз превышал наш ввоз, чтобы мы имели разницу в нашу пользу, а не в пользу заграничных купцов. Ведь, дело обстоит не так, что мы вывезли так много

и заработали так много денег на этом вывозе, чтобы можно было обеспокоиться и сказать: может-быть, мы слишком много вывозим, давайте сокращать! К сожалению, дело обстоит наоборот,—мы только только начали поднимать наш вывоз над нашим ввозом. Баланс в нашу пользу только-только начал складываться. Мы до 1923 г., до середины 1923 г., доплачивали иностранным купцам.

Одно мы можем сказать, что всякая копейка, полученная на вывозе леса, хлеба и нефти, идет исключительно на цель подъема нашей промышленности, подъема сельского хозяйства.

Нам нужно вносить капитал в крестьянский банк. Мы, по бедности своей, говорим, что положим 40 миллионов. Но, ведь, 40 миллионов—это капля в море. Нам для дешевого крестьянского кредита надо было бы сейчас положить не 40 миллионов, а 400 миллионов. Тогда мы помогли бы крестьянской кооперации, тогда мы дали бы возможность крестьянину улучшить свое хозяйство, обзавестись машинами, семенным материалом. А мы, поскребши во всех наших государственных закромах, наскребли только 40 миллионов.

Вывоз нам нужен и для того, чтобы эта цифра росла, а с нею параллельно увеличивалась бы дотация тем металлургическим заводам, которые близко интересуют т. Терентьева, и которые на крестьянский рынок работать не могут.

Вот еще один пример. Мы говорим т. Дзержинскому: заказывай паровозы! Тов. Дзержинский говорит: мне ваших паровозов не надо, я на 5 лет обеспечен теми паровозами, которые у меня есть. Тов. Дзержинскому мы привыкли верить, а он говорит: какие бы требования вы—хозяйственники—к нам ни предъявили, я гарантирую вам полные перевозки с теми паровозами, которые у меня есть. Избавьте Наркомпуть от необходимости платить по заказам за те паровозы, которые и в Харькове, и в Москве, и на Урале заказаны, и которые не нужны Наркомпути. И при таком положении вещей мы говорим тов. Дзержинскому: нет, заказывай!—Почему?—Потому, что мы не можем пойти на закрытие паровозостроительных заводов. Мы говорим: заказывай впрок те паровозы, которые понадобятся тебе через 5—10 лет.

Мы в Архангельской губернии рубим лес для вывоза в Англию, которой он необходим. И при помощи этих денег мы можем впрок, на 5 лет вперед, готовить паровозы, ко-

торые в данный момент нам экономически не нужны, но которые нужны нам политически, потому что только на работе этих паровозов окрепнет, не распылится рабочий класс, и наши крупные пролетарские крепости сохранятся. Нам надо было бы закрыть Путиловский и Брянский заводы, потому что экономически они нам невыгодны. К Путиловскому и Брянскому заводам мы приплачиваем миллионы. Откуда же мы берем эти деньги? Между прочим, и от вывоза за границу леса, нефти и т. п.

Вот почему взгляд т. Терентьева, который выражает здоровое пролетарское беспокойство, здоровую тревогу, законную тревогу,—он в данный момент, в данной обстановке—неправилен.

Что мы ввозим?

Дальше тов. Терентьев говорит о том, что вы вывозите то-то и то-то, а ввозите всякую дрянь. Я не отрицаю, товарищи, что у нас могли быть здесь ошибки. Я не слышал о том, чтобы специально ввозили мандарины,—за это надо было бы не мандаринами, а камнями побить на советских площадях. Но, товарищи, я думаю, что дело не обстоит так трагически. Я вам вчера показал диаграмму, по которой вы видели, как рост предметов потребления сокращается из года в год и из месяца в месяц. С другой стороны, рост предметов производства растет за этот счет. У нас имеется,—и это один из элементов нашего планового хозяйства,—импортно экспортный план. Мы сидим над этим планом ввоза и вывоза, как над одной из самых важных частей нашего хозяйства, и мы вытравляем оттуда какие бы то ни было элементы ввоза того, что мы можем произвести в своей стране, своими собственными силами. Вы можете быть спокойны, что ни один предмет, который может быть произведен у нас, мы не позволим ввезти.

Да, много есть жуликов, мошенников, воров в нашем советском аппарате, этот род человечества имеет в нашем аппарате порядочное количество своих представителей, это несомненно, и поэтому всякое мошенничество возможно; но разве мы не помним, что борьба с воровством, взяточничеством, мошенничеством есть одна из основных наших задач,

что мы одним приказом его не прекратим, что рабочий контроль для этого необходим? Но поскольку этот план есть сознательный план Советской России, он основан на следующих принципах: долой все предметы роскоши, никакого ввоза мандаринов, шелков, белья и т. д., сокращай ввоз предметов потребления, не допускай ничего, что может быть произведено внутри нашей страны, ввози только то, что мы не можем произвести, и что необходимо, как средство производства, для нашего сельского хозяйства и для нашей промышленности. Вот из чего должен складываться наш ввоз.

Я сейчас, прослушав речь тов. Терентьева, развернул таблицу ввоза, которая по нашему плану состоит из следующих предметов: 19% всего нашего ввоза, около одной пятой, относится к хлопку. Почему мы ввозим хлопок? Потому, что Туркестан, который был базой для всей нашей текстильной промышленности (а текстильная промышленность—самая старинная и одна из основных промышленностей нашего Союза, и, вместе с тем, промышленность центрального пролетарского района, кроме того, эта промышленность больше всего связывает нас с крестьянином), не может дать необходимое количество хлопка. Можем ли мы здесь останавливаться? Нет. А между тем, гражданская война и английское нашествие в Туркестан сделали то, что посев хлопка сократился на 90%. В этом году мы подняли посев на 300%. Мы имеем засеянных 153 тысячи десятин. Но это капля в море. Это даст нашим фабрикам максимум $2-2^1/_2$ милл. пуд. сырья. Для того, чтобы наши текстильные фабрики работали, и для того, чтобы крестьянин имел ситец, нам нужно вдвое, втрое, вчетверо больше этого количества волокна. Мы должны покупать хлопок за границей, если хотим, чтобы текстильный пролетариат работал и крестьянин имел дешевый ситец, потому что, чем больше работает фабрика, чем больше мы производим, тем дешевле обходится каждый аршин ситца. Чем меньше фабрики работают и чем больше лежит на нашей шее мертвого груза, который мы должны охранять, смазывать и т. д., тем дороже производство. Следовательно, вы видите, что мы должны покупать хлопок за границей. Хлопок и составляет 19% нашего ввоза.

Дальше. Мы поставили задачей техническое переоборудо-

вание наших фабрик. Не надо забывать, что мы, хозяева-пролетарии, получили наследство в области промышленности, которое совершенно не соответствует нашему плану. Фабрики создавались не по какому-нибудь плану приспособления к интересам народного хозяйства нашего Союза, а строились, создавались, выбирались места для них, определялся их размер в интересах бельгийского, французского, шведского капиталов. Масса фабрик была построена для обороны, для таких целей, которыми мы с вами не занимаемся и не собираемся заниматься в таких размерах. Это наследство давит на нас. Кроме того, 10—15 лет эти фабрики не подвергались переоборудованию, машины износились, станки не годятся, понижается производительность труда не только потому, что наши рабочие голодные и не могут дать всего того эффекта, который дают, когда получают достаточную заработную плату, но и потому, что орудие его производства износилось, ослабло, не годится. Переоборудование фабрик, снабжение новыми машинами и инструментами—это одна из основных задач.

А электрификация? Мы же помним и будем вечно помнить, что настоящий подъем нашего хозяйства, поднятие его на высший уровень решается не какими-нибудь частными мерами, а коренной задачей перехода от паровой силы к электрификации. Это задача на десятилетие, мы никогда ее не выпустим из виду. Мы в прошлом году на электрификацию отдали 32 миллиона рублей. В этом году мы повысили сумму и даем 39 миллионов рублей. В этом году мы хотели закончить одно из величайших технических чудес мира—Волховстрой. Я хотел бы, чтобы вы имели хотя бы маленькую возможность, хотя бы краишком уха послушать те заседания СТО и СНК и всех других высших инстанций, когда мы обсуждали вопрос,—дать ли в этом году 20 миллионов рублей на окончание Волховстроя. Какое, действительно, трагическое положение было у нас, как трудно было нам решить эту задачу. Мы знали, что Волховстрой—величайшее достижение, он даст в ближайшие годы громадную экономию в угле, поднимет питерскую промышленность, двинет хозяйство, уровень нашего хозяйства на новую ступень, а вместе с тем взять 20 миллионов в моменты кризиса, „ножниц“, когда товары лежали без движения,—трудно

было. Мы долго мучились, чтобы найти правильное решение этой задачи, посылали несколько комиссий, проверяли, можно ли остановить работу, не снесет ли Волхов те сооружения, которые возведены, и мы, которые желали получить экономию, не потерпим ли ущерба. И после долгого, мучительного и честного труда решили, что на этом фронте мы не отступим, Волховстрой в срок кончим, на электрификацию 39 миллионов—больше, чем в прошлом году—даем. (Аплодисменты), Но, товарищи, это переоборудование заводов, снабжение новыми машинами, снабжение необходимыми предметами оборудования этих мощных электрических станций требует заказов за границей. Вот почему доставка нам металлических изделий типа турбо-генераторов, громадных машин и т. д. в нашем ввозе занимает 33%. Нет, мы не мандарины ввозим.

И, наконец, последняя крупная статья: химические продукты. Вы знаете, что химическая промышленность была очень слаба у нас, в России, до революции. Она очень слаба и сейчас, а между тем, необходимы химические продукты для того же текстиля, для фармацевтического производства и, наконец, лекарственные изделия,—мы всего этого ввозим 12%. Если посмотрите ввоз, то увидите, что 33%, одна треть всего, есть ввоз металлических изделий, которые мы у себя произвести не можем, и которые должны поднять и нашу промышленность, и сельское хозяйство; 19%—хлопковое сырье для наших текстильных фабрик; 12%—всякие химические продукты, которые мы произвести не можем, 10%—уголь для нашего Севера и каучук. Эти данные говорят о том, что здесь достигнуты значительные улучшения. Не все еще достигнуто, и есть мерзавцы и воры, которые, может-быть, пользуясь этим, провозят и мандарины, и сковородки. Мы будем продолжать с этим бороться, имея в руках монополию внешней торговли, которой мы контролируем каждый фунт чего бы то ни было, что мы ввозим,—потому и важна монополия внешней торговли, иначе у нас ввозили бы чорт знает что. Мы будем монополию всячески улучшать, контроль увеличивать, и он может быть лучше и крепче, поскольку рабочий класс своим пролетарским глазом будет строго глядеть за этим делом.

Орабочение аппарата.

Орабочение нашего аппарата, рабочий контроль над всем ходом нашей хозяйственной жизни, начиная с цены продуктов и кончая тем, что мы ввозим и вывозим за границу, есть настоятельная, необходимая задача, и только при этом улучшении нашего аппарата, при этом привлечении рабочей массы, при этом заинтересовании рабочей массы снизу доверху тем, чтобы ситец был дешев, чтобы накладных расходов не было, чтобы никакой автомобиль не повышал цены спичек, чтобы кооперация не превращалась в орудие отталкивания между рабочим и крестьянином, а, наоборот, стала бы аппаратом сближения,—только привлечением всей рабочей массы партийной и беспартийной, в лице профсоюзов, ближе к производству, что нами взято, как партийная директива для нынешнего времени, только этим можно решить хозяйственную задачу для данного момента.

Предпосылки планового хозяйства.

Товарищи, подходя к концу заключительного слова, я хотел бы еще раз повторить общую мысль моего доклада в самых кратких чертах. Я пытался доказать,—и думаю, что это было доказано перед всяким беспристрастным наблюдателем,—что кризис, который мы имеем, не есть кризис нашей экономической политики, что мы имеем рост во всех областях народного хозяйства, и что этот кризис есть только кризис нашего роста. Мы растем, но растем не гладко, в этом росте мы переживаем определенный кризис. Поэтому нет места ни для каких сомнений в том, что основа нашей экономической политики остается неизмененной, что она по-старому будет служить нам путеводной звездой, что из этого кризиса мы сделаем только один вывод: сделать все возможное в советском аппарате сверху донизу, чтобы работа по смычке рабочего и крестьянина была в десять раз усилена и приняла чисто-практические формы. Надо понять, что эта смычка достигается не революциями, не митингами, а ценой ситца, расторопностью нашего советского приказчика в кооперации, ценой керосина, нашим умением доставить этот керосин в деревню. Вот где настоящая смычка.

Эта задача не только не неразрешимая, но, если мы навалимся всеми силами, то мы эту задачу разрешим.

Мы будем разрешать эту задачу планомерно. Много было в нашем деле хаоса. Мы должны помнить, что мы строили среди хаоса, среди руин, что поэтому точного определенного плана нашей постройки у нас еще не могло быть. Попробовать построить единый план, который охватил бы нашу промышленность, живущую на социалистических началах, и 18.000.000 крестьянских частных хозяйств,—это значит вдаться в чисто-бюрократический утопизм. Но мы работали над другим, мы создавали предпосылки плана и теперь смело можем сказать,—эти предпосылки созданы. Не могло быть плана ни общенародного, ни общегосударственного, ни общехозяйственного, не могло быть плана отдельных фабрик и заводов, если у вас нет твердой деньги, если вы не знаете, в чем считать, если деньга каждый день падает, если нет мерки для того, чтобы был план, чтобы наше наступление носило бы планомерный характер. Надо было разрешить предварительно задачу — дать твердую мерку в виде твердой деньги. И мы дали ее за последний год в виде червонца, и мы хотим дать ее в течение ближайших месяцев окончательно в виде новых денег. Не может быть плана, пока не было маневрового фонда, не было накопленных запасов, которые мы могли бы по плану бросать в том или другом направлении, в то или другое место.

Нет плана без кредита. Мы в этом году создали кредит, как главное маневровое средство, которое мы кидаем то в сельское хозяйство, то в промышленность, то на Нижегородскую ярмарку, которую,—конечно, прав т. Малышев,—надо развивать, как связь между нашей страной и восточным рынком. Он прав. Эти рынки имеют громадное значение. Кредит есть необходимая предпосылка планового хозяйства. Мы его создали в этом году.

Мы в этом году добились более или менее точного государственного бюджета. Вы здесь все практические работники, вы все составляете местный бюджет, и вы должны знать, что еще два года назад мы не могли мечтать о том, чтобы создать твердый государственный бюджет, который мало-мальски походил бы на действительность

Вы знаете, что в 1921 году мы такую попытку делали, бюджет создали, и даже Владимир Ильич его подписал. В этом бюджете было учтено все, но одна беда была в этом первом нашем бюджете: в нем не было ни одной цифры, которая была бы похожа на действительность. Бюджет был сам по себе, а жизнь развивалась сама по себе. Мы тогда поняли, что замахнулись слишком широко,—на год нельзя составлять; давайте, сказали мы себе, создадим бюджет на месяц. И мы жили месячным бюджетом. Какой-либо из наркоматов, скажем, Наркомпрос, спрашивал: сколько ты, правительство, даешь мне на школы в год? Я буду знать, сколько мне учителей нанять, сколько школ открыть, сколько топлива иметь. А мы ему говорили: нет, этого сказать мы не можем. На этот месяц ты получишь столько-то, а сколько на следующий месяц,—не знаем.

Потом от этих месячных планов мы перешли к 3 месячному плану, и только в этом году мы впервые имеем бюджет, о котором все, самые большие скептики,—а в этом деле чем больше скептиков, тем лучше,—говорят: этот бюджет на 15% только, вероятно, будет разниться от действительного исполнения. Ну, если только на 15%, то мы получим некоторую действительную ориентировку. Вот теперь, когда мы подходим к решению задачи о твердом измерителе, в виде твердой деньги, когда мы накопили маневровые фонды, когда мы научились орудовать экспортом, кредитами, когда мы имеем более или менее твердый государственный бюджет, когда Наркомпрос может знать, хотя бы на полгода, сколько он получит, когда промышленность может составить план на год, когда транспорт может знать годовой размер своей работы,—теперь мы можем сказать: основные элементы плановости у нас действительно есть. При таких условиях расширение плана на все государственное хозяйство не будет уже чисто-бюрократическим измышлением, измышлением, которое все хочет покрыть. Нет, реальный план частично создан, и потому усиление плановости в нашем хозяйстве, несомненно, идет. Для этого и в связи с этим было реорганизовано СТО, и из комиссии междуведомственной, которая должна была согласовывать разногласия между ведомствами, мы в средине этого года перестроили его так, что он должен быть

центральным направителем всей нашей хозяйственной экономической жизни. Мы составили его не из представителей ведомств, а составили персонально, поставив туда таких крупных товарищей, которые могли бы, имея перед собой общий план хозяйства, развивать, направлять его целиком.

Мы пошли дальше. Одного из заместителей председателя Совнаркома — Цюрупу — мы назначили председателем Госплана. Не потому, конечно, что мы были бы, хотя бы маломальски, недовольны работой нашего заслуженного и уважаемого экономиста тов. Кржижановского. Нет, заслуги тов. Кржижановского в деле создания плана электрификации, в деле проведения Госплана, никогда не будут забыты, как заслуги строителя, как одного из важнейших строителей советской экономики. Но нам необходимо было Госплан подтянуть к правительству, поднять его авторитет, связать тех, которые изо дня в день руководят плановым делом, с той работой, которая идет в правительстве, и поэтому тов. Цюрупу, как одного из заместителей председателя Совета Народных Комиссаров, мы назначили председателем Госплана.

Наступление.

Таким образом, усиление плановости в нашем хозяйстве — несомненно, а эта плановость нам необходима тоже для того, чтобы исполнить завет Ильича и из периода отступления перейти в период систематического постоянного нажима в сторону наступления. Нам нужно сейчас наступление. Прежде всего, наступление против всех остатков старья, которые хранятся в нашем организме, против старья в нашем аппарате, против старья в решении национального вопроса, против старья в культуре, против старья в нашей отсталости, выражающейся во взяточничестве, в хозяйственной распущенности,—против этого нужно наступление.

Еще одно наступление нам нужно,—наступление против частного капитала. Мы допустили создание новой буржуазии, мы позволили ей развиваться, но мы сказали в той же резолюции — до известного предела. Чем определяется этот предел? Нашей хозяйственной мощью в той борьбе, в той схватке, которая идет между элементами социализма в нашем хозяйстве, плановости его, регулирования, роста про-

летарской базы, роста объединения с крестьянством,—в этой борьбе между этими элементами и элементами свободной торговли, частного рынка, скупщиком, деревенским ростовщиком, кулаком, который эксплоатирует чужой труд,—в этой борьбе нам необходимо наступление. Нам необходим систематический подъем элементов социализма.

Вы, товарищи, можете быть уверены, что здесь мы ни в чем не изменим заветам тов. Ленина. Политика нашего правительства есть продолжение политики Ленина. Никаких изменений не будет. Политикой Ленина мы побеждали до сих пор. Мы будем побеждать этой политикой и дальше. (Продолжительные аплодисменты).

Резолюция Съезда.

Съезд единогласно принимает следующую резолюцию:

„Заслушав и обсудив доклад Зампредседателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и РСФСР, тов. Каменева, о деятельности советского правительства за истекший 1923 год. 2-й Съезд Союза ССР целиком одобряет деятельность правительства". (Аплодисменты).

Диаграмма № 3. К стр. 42.

Расхождение цен на пром. и сел-хоз. товары в %%

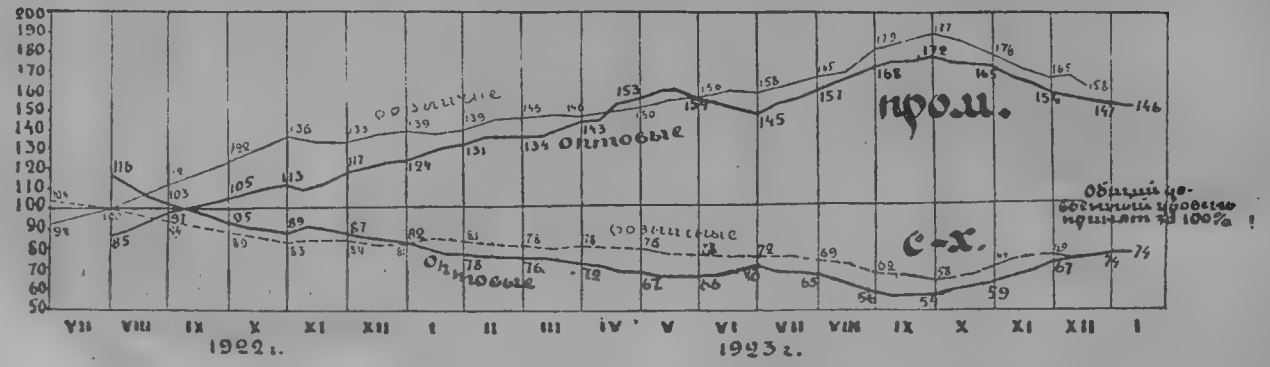


Диаграмма № 4. К стр. 46.

Экспорт и импорт С.С.С.Р.

Цифры даны в миллион. зол. руб. с округлением до 100 т руб.

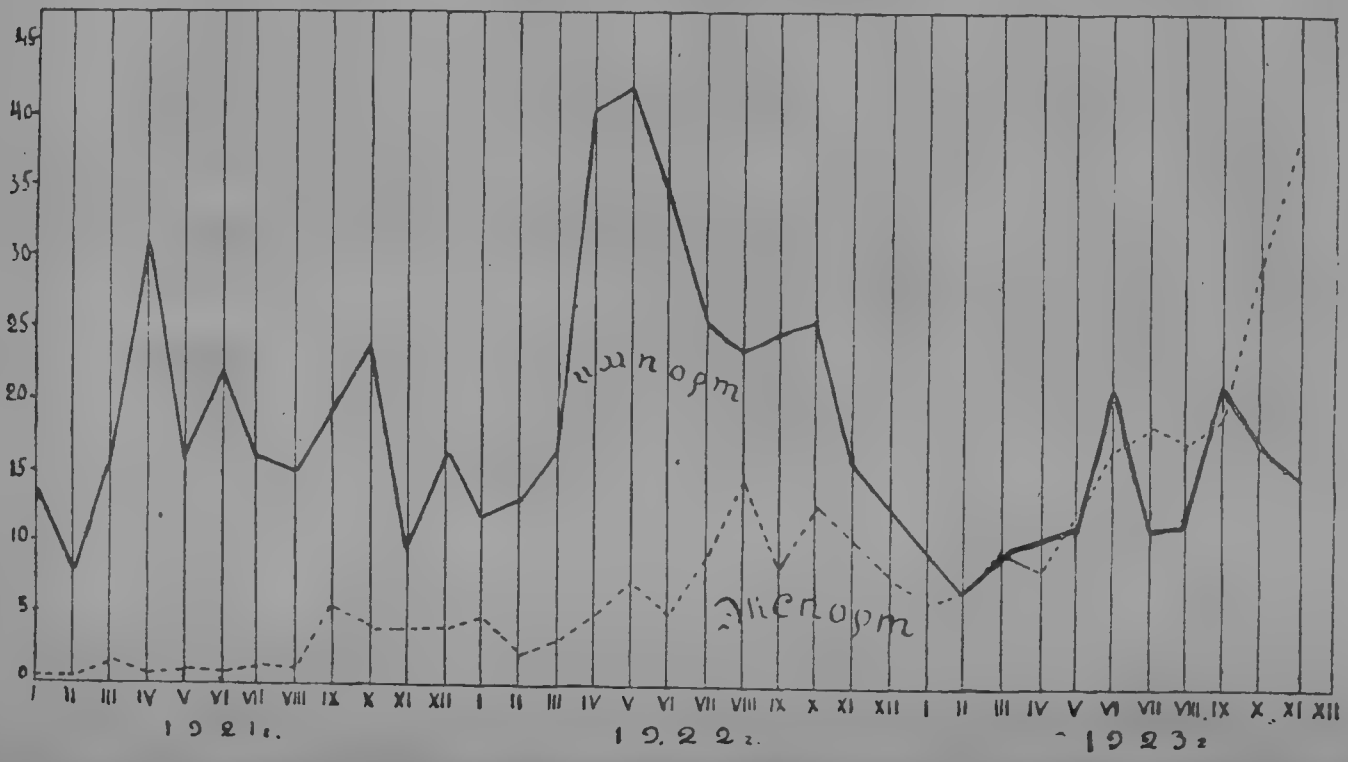


Диаграмма № 5. К стр. 47.

Строение импорта в %%

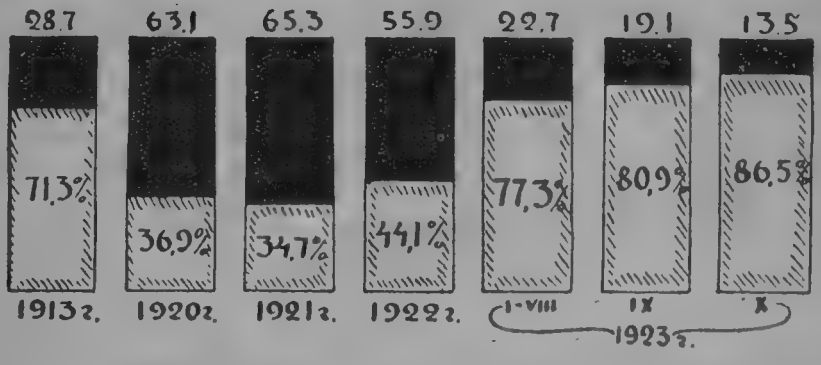


Диаграмма № 6. К стр. 48.

Движение общих индексов

для русских экспортных товаров на внут. и внеш. рынке.

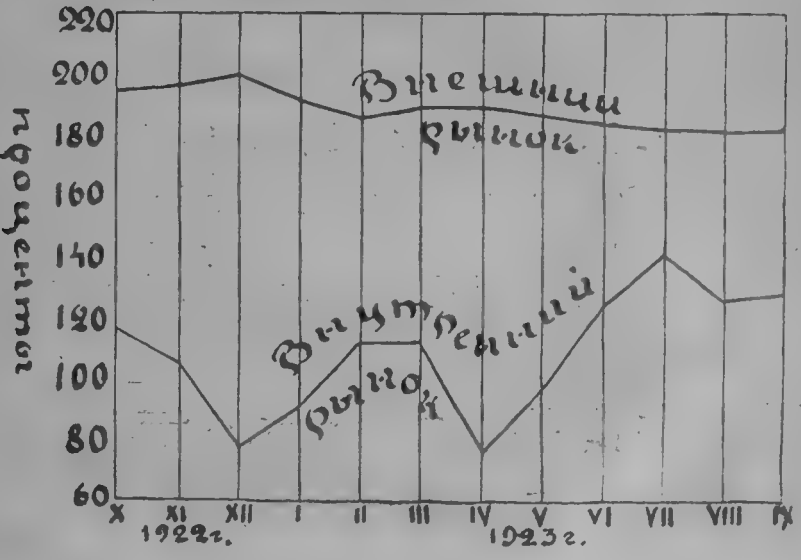
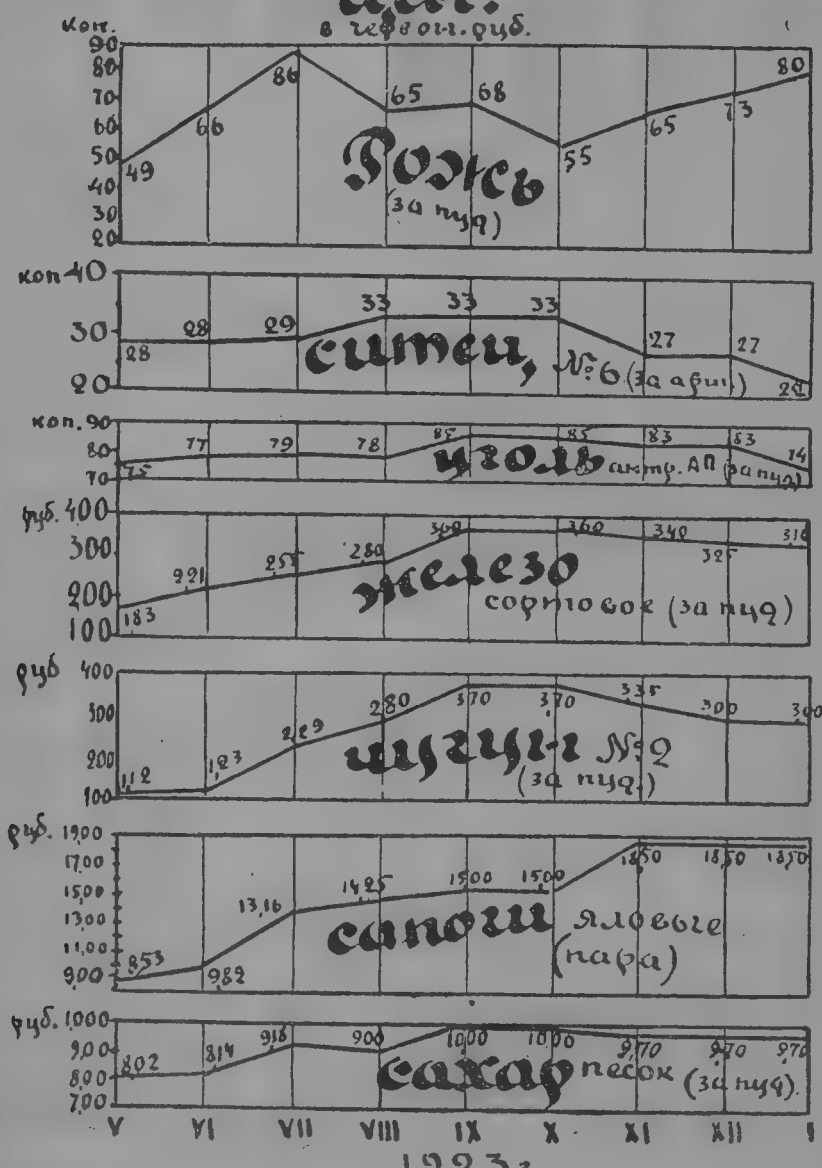


Диаграмма № 7. К стр. 52.

Движение московских оптовых цен.



ПРИЛОЖЕНИЕ.

Таблица № 1.

Металлургическая промышленность и крупное машиностроение.

Вот основные и характерные данные. Число рабочих с 134.500 в первом квартале 1922/23 года неуклонно возрастает и доходит в последнем квартале до 166.700, т.-е. увеличилось на 24%.

	1921/1922 г.		1922/1923 г.	
Выплавка чугуна	с 10389 т. п.	перв. кварт.	до 18321 т. п.	—на 76%
Мартеновское литье	с 19367 т. п.	„ „	до 35991 т. п.	—на 86%
Прокатка	с 15641 т. п.	„ „	до 25886 т. п.	—на 65%
Разные машины	с 7748 т. п.	„ „	до 12003 т. п.	—на 55%
Инструменты и пр. изделия из металла	с 3577 т. п.	„ „	до 5823 т. п.	—на 63%
Орудия транспорта	с 10201 т. п.	„ „	до 21936 т. п.	—на 115%
Общая продукция	с 49738 т. р.	„ „	до 80863 т. р.	—на 63%

При чем рост промышленности из квартала в квартал идет, плавно повышаясь от одного к другому, а именно:

1 квартал	100%
2 „	117%
3 „	155%
4 „	173%

Таблица № 2.

	Валовая продукция в милл. рубл.			По сравнению с 1921 г. увеличение в %%		1923 г. по сравнен. с 1922 г.: +»или—в %%
	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1922 г.	1923 г.	
1. Добыча и обработка минералов . .	14,5	17,1	20,9	+ 11,8	+ 14,4	+12,2
2. Горнозаводская . .	210,2	402,4	495,2	+ 91,1	+135,5	+23,1
3. Металлическая . .	136,6	173,1	232,0	+ 27,2	+ 69,7	+34,0
4. Обработка дерева .	38,8	58,1	53,3	+ 49,5	+ 37,2	— 8,2
5. Химическая	49,7	76,4	100,1	+ 53,7	+101,5	+30,9
6. Пищевая промышленность	433,5	408,0	424,1	— 5,7	— 2,2	+ 3,8
7. Обработка животн. продуктов	53,7	67,6	66,0	+ 29,9	+ 23,0	— 2,4
8. Текстильная	204,7	475,3	778,3	+132,0	+282,0	+63,9
9. Швейная и обувная	115,1	81,4	94,6	— 29,3	— 17,8	+16,1
10. Бумажная промышленность	9,2	20,3	38,4	+120,4	+317,0	+89,1
11. Полиграфическая .	14,5	58,2	61,7	+302,0	+326,0	+ 6,1
12. Электрич. станции и водоснабжение .	38,0	45,0	46,7	+ 18,2	+ 22,8	+ 3,6
Всего	1318,5	1882,9	2411,3	+ 42,7	+ 83,0	+28,1

Диаграмма № 1. К стр. 33.

Продукция госпромышлен.

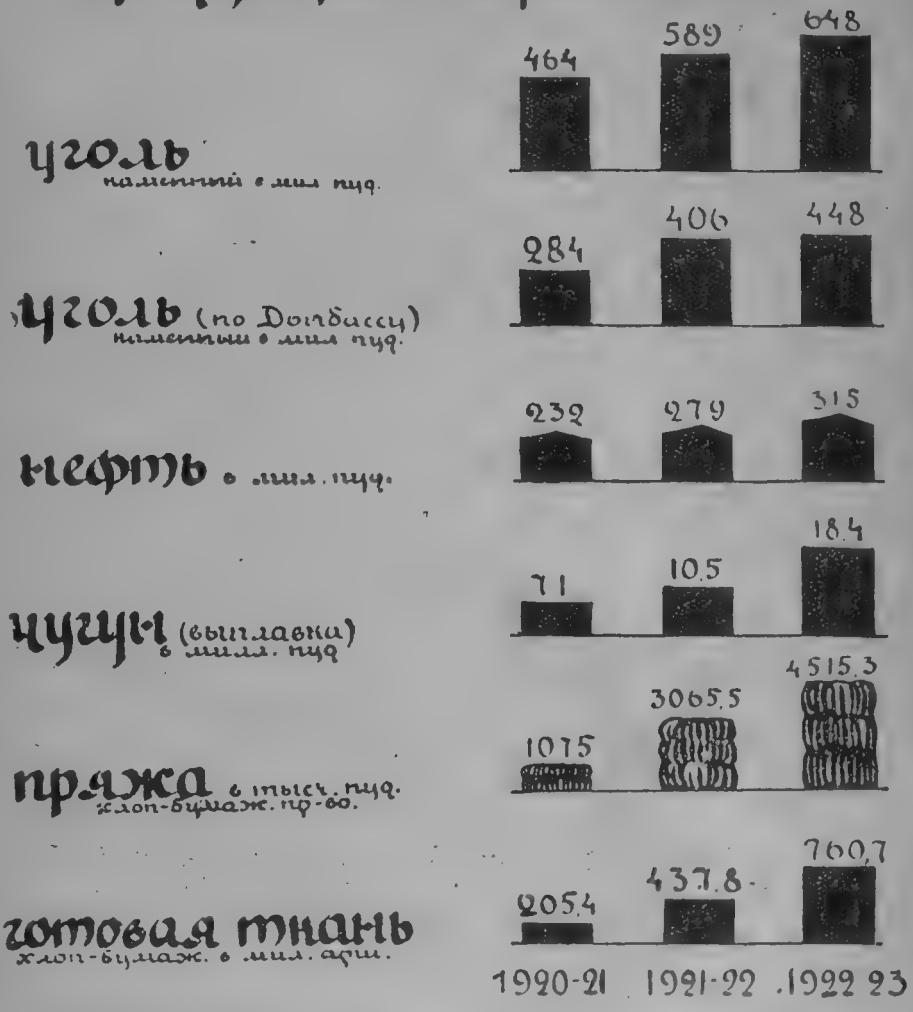


Диаграмма № 2. К стр. 35.

Продукция госпромышленности.

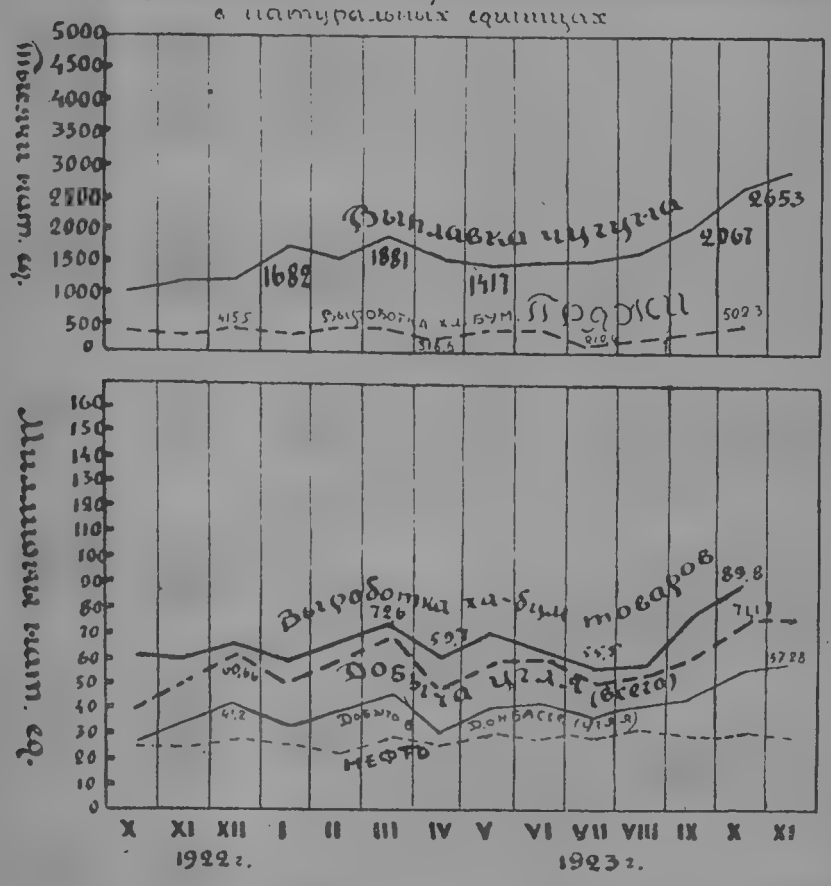


Диаграмма № 8. К стр. 59.

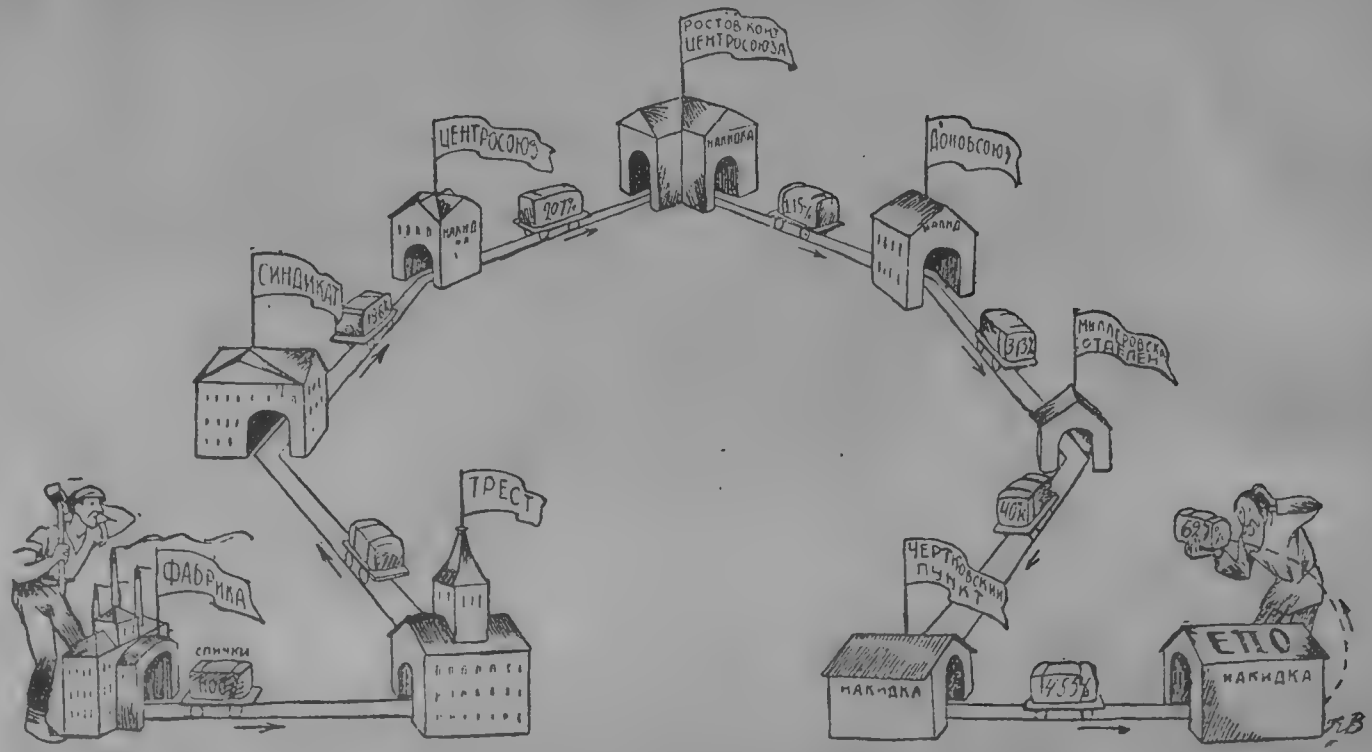
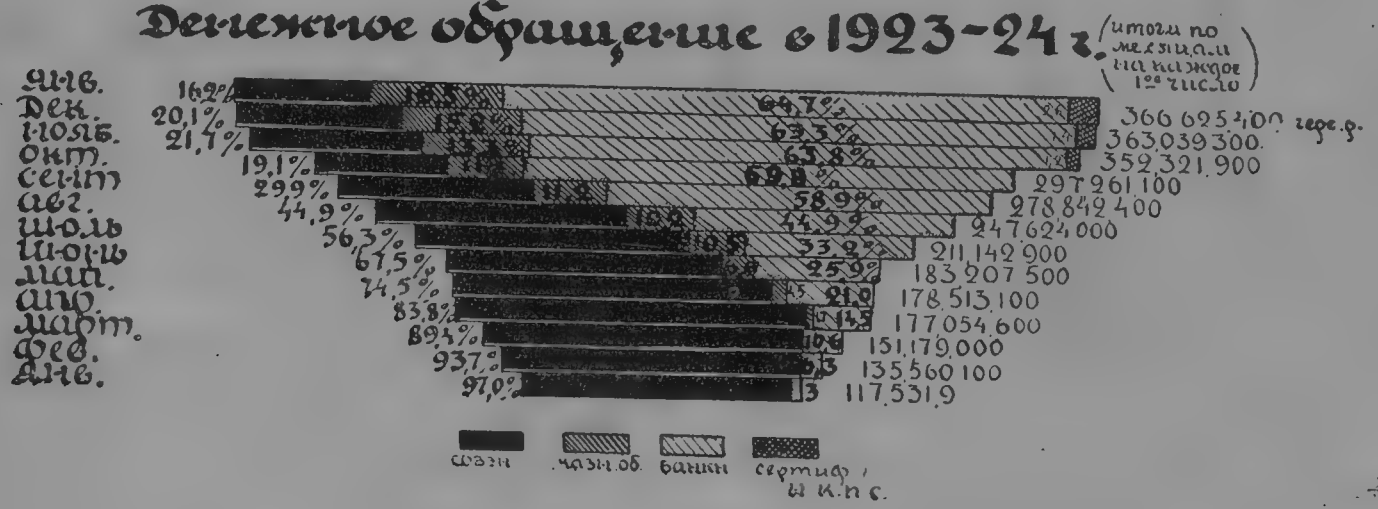


Диаграмма № 9. К стр. 61.



Зр.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР

Издательства „КРАСНАЯ НОВЬ“

МОСКВА, Милютинский пер., д. № 22.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА:

В МОСКВЕ: 1. Универсальный книжный магазин „СЕРП и МОЛОТ“ Издательства „Красная Новь“ — пл. Свердлова, 2-й дом Советов.

2. Б. Сухаревская пл., № 16.

В ПЕТРОГРАДЕ: Проспект 25 Октября, угол Фонтанки (быв. магазин Коминтерна).